АЗБУКА ВЕРЫ

Михаил Афанасьевич Булгаков

Дни Турбиных

Художественная литература · azbyka.ru

Дни Турбиных – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/dni-turbinyh

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Дни Турбиных

Михаил Афанасьевич Булгаков

Дни Турбиных[1]

Пьеса в четырех действиях

Действующие лица

Турбин Алексей Васильевич — полковник-артиллерист, 30 лет.

Турбин Николай — его брат, 18 лет.

Тальберг Елена Васильевна — их сестра, 24-х лет.

Тальберг Владимир Робертович — генштаба полковник, ее муж, 38 лет.

Мышлаевский Виктор Викторович — штабс-капитан, артиллерист, 38 лет.

Шервинский Леонид Юрьевич — поручик, личный адъютант гетмана.

Студзинский Александр Брониславович — капитан, 29 лет.

Лариосик — житомирский кузен, 21 года.

Гетман всея Украины.

Болботун — командир 1-й конной петлюровской дивизии.

Галаньба — сотник-петлюровец, бывший уланский ротмистр.

Ураган.

Кирпатый.

Фон Шратт — германский генерал.

Фон Дуст — германский майор.

Врач германской армии.

Дезертир-сечевик.

Человек с корзиной.

Камер-лакей.

Максим — гимназический педель, 60 лет.

Гайдамак — телефонист.

Первый офицер.

Второй офицер.

Третий офицер.

Первый юнкер.

Второй юнкер.

Третий юнкер.

Юнкера и гайдамаки.

Первое, второе и третье действия происходят зимой 1918 года, четвертое действие — в начале 1919 года.

Место действия — город Киев.

Действие первое

Картина первая

Квартира Турбиных. Вечер. В камине огонь. При открытии занавеса часы бьют девять раз и нежно играют менуэт Боккерини[2]. **Алексей** склонился над бумагами.

Николка *(играет на гитаре и поет)*.

Хуже слухи каждый час.
Петлюра идет на нас!
Пулеметы мы зарядили.
По Петлюре мы палили,
Пулеметчики-чики-чики…
Голубчики-чики…
Выручали вы нас, молодцы!

Алексей. Черт тебя знает, что ты поешь! Кухаркины песни. Пой что-нибудь порядочное.

Николка. Зачем кухаркины? Это я сам сочинил, Алеша. *(Поет.)*

Хошь ты пой, хошь не пой,
В тебе голос не такой!
Есть такие голоса…
Дыбом встанут волоса…

Алексей. Это как раз к твоему голосу и относится.

Николка. Алеша, это ты напрасно, ей-богу! У меня есть голос, правда не такой, как у Шервинского, но все-таки довольно приличный. Драматический, вернее всего — баритон. Леночка, а Леночка! Как, по-твоему, есть у меня голос?

Елена *(из своей комнаты)*. У кого? У тебя? Нету никакого.

Николка. Это она расстроилась, потому так и отвечает. А между прочим, Алеша, мне учитель пения говорил: «Вы бы, говорит, Николай Васильевич, в опере, в сущности, могли петь, если бы

не революция».

Алексей. Дурак твой учитель пения.

Николка. Я так и знал. Полное расстройство нервов в турбинском доме. Учитель пения — дурак. У меня голоса нет, а вчера еще был, и вообще пессимизм. А я по своей натуре более склонен к оптимизму. *(Трогает струны.)* Хотя ты знаешь, Алеша, я сам начинаю беспокоиться. Девять часов уже, а он сказал, что утром приедет. Уж не случилось ли чего-нибудь с ним?

Алексей. Ты потише говори. Понял?

Николка. Вот комиссия, создатель, быть замужней сестры братом.

Елена *(из своей комнаты)*. Который час в столовой?

Николка. Э… девять. Наши часы впереди, Леночка.

Елена *(из своей комнаты)*. Не сочиняй, пожалуйста.

Николка. Ишь, волнуется. *(Напевает.)* Туманно… Ах, как все туманно!..

Алексей. Не надрывай ты мне душу, пожалуйста. Пой веселую.

Николка *(поет)*.

Здравствуйте, дачницы!
Здравствуйте, дачники!
Съемки у нас уж давно начались…
Гей, песнь моя!.. Любимая!..
Буль-буль-буль, бутылочка
Казенного вина!!
Бескозырки тонные,
Сапоги фасонные,
То юнкера-гвардейцы идут…

Электричество внезапно гаснет. За окнами с песней проходит воинская часть.

Алексей. Черт знает что такое! Каждую минуту тухнет. Леночка, дай, пожалуйста, свечи.

Елена *(из своей комнаты)*. Да!.. Да!..

Алексей. Какая-то часть прошла.

Елена, выходя со свечой, прислушивается. Далекий пушечный удар.

Николка. Как близко. Впечатление такое, будто бы под Святошином стреляют. Интересно, что там происходит? Алеша, может быть, ты пошлешь меня узнать, в чем дело в штабе? Я бы съездил.

Алексей. Конечно, тебя еще не хватает. Сиди, пожалуйста, смирно.

Николка. Слушаю, господин полковник… Я, собственно, потому, знаешь, бездействие… обидно несколько… Там люди дерутся… Хотя бы дивизион наш был скорее готов.

Алексей. Когда мне понадобятся твои советы в подготовке дивизиона, я тебе сам скажу. Понял?

Николка. Понял. Виноват, господин полковник.

Электричество вспыхивает.

Елена. Алеша, где же мой муж?

Алексей. Приедет, Леночка.

Елена. Но как же так? Сказал, что приедет утром, а сейчас девять часов, и его нет до сих пор. Уж не случилось ли с ним чего?

Алексей. Леночка, ну, конечно, этого не может быть. Ты же знаешь, что линию на запад охраняют немцы.

Елена. Но почему же его до сих пор нет?

Алексей. Ну, очевидно, стоят на каждой станции.

Николка. Революционная езда, Леночка. Час едешь, два стоишь.

Звонок.

Ну вот и он, я же говорил! *(Бежит открывать дверь.)* Кто там?

Голос Мышлаевского. Открой, ради Бога, скорей!

Николка *(впускает Мышлаевского в переднюю)*. Да это ты, Витенька?

Мышлаевский. Ну я, конечно, чтоб меня раздавило! Никол, бери винтовку, пожалуйста. Вот, дьяволова мать!

Елена. Виктор, откуда ты?

Мышлаевский. Из-под Красного Трактира. Осторожно вешай, Никол. В кармане бутылка водки. Не разбей. Позволь, Лена, ночевать, не дойду домой, совершенно замерз.

Елена. Ах, Боже мой, конечно! Иди скорей к огню.

Идут к камину.

Мышлаевский. Ох… Ох… Ох…

Алексей. Что же они, валенки вам не могли дать, что ли?

Мышлаевский. Валенки! Это такие мерзавцы! *(Бросается к огню.)*

Елена. Вот что: там ванна сейчас топится, вы его раздевайте поскорее, а я ему белье приготовлю. *(Уходит.)*

Мышлаевский. Голубчик, сними, сними, сними…

Николка. Сейчас, сейчас. *(Снимает с Мышлаевского сапоги.)*

Мышлаевский. Легче, братик, ох, легче! Водки бы мне выпить, водочки.

Алексей. Сейчас дам.

Николка. Алеша, пальцы на ногах поморожены.

Мышлаевский. Пропали пальцы к чертовой матери, пропали, это ясно.

Алексей. Ну что ты! Отойдут. Николка, растирай ему ноги водкой.

Мышлаевский. Так я и позволил ноги водкой тереть. *(Пьет.)* Три рукой. Больно!.. Больно!.. Легче.

Николка. Ой-ой-ой! Как замерз капитан!

Елена *(появляется с халатом и туфлями)*. Сейчас же в ванну его. На!

Мышлаевский. Дай тебе Бог здоровья, Леночка. Дай-ка водки еще. *(Пьет.)*

Елена уходит.

Николка. Что, согрелся, капитан?

Мышлаевский. Легче стало. *(Закурил.)*

Николка. Ты скажи, что там под Трактиром делается?

Мышлаевский. Метель под Трактиром. Вот что там. И я бы эту метель, мороз, немцев-мерзавцев и Петлюру!..

Алексей. Зачем же, не понимаю, вас под Трактир погнали?

Мышлаевский. А мужички там эти под Трактиром. Вот эти самые милые мужички сочинения графа Льва Толстого!

Николка. Да как же так? А в газетах пишут, что мужики на стороне гетмана…

Мышлаевский. Что ты, юнкер, мне газеты тычешь? Я бы всю эту вашу газетную шваль перевешал на одном суку! Я сегодня утром лично на разведке напоролся на одного деда и спрашиваю: «Где же ваши хлопцы?» Деревня точно вымерла. А он сослепу не разглядел, что у меня погоны под башлыком, и отвечает: «Уси побиглы до Петлюры…»

Николка. Ой-ой-ой-ой…

Мышлаевский. Вот именно «ой-ой-ой-ой»… Взял я этого толстовского хрена за манишку и говорю: «Уси побиглы до Петлюры? Вот я тебя сейчас пристрелю, старую… Ты у меня узнаешь, как до Петлюры бегают. Ты у меня сбегаешь в царство небесное».

Алексей. Как же ты в город попал?

Мышлаевский. Сменили сегодня, слава тебе, Господи! Пришла пехотная дружина. Скандал я в штабе на посту устроил. Жутко было! Они там сидят, коньяк в вагоне пьют. Я говорю, вы, говорю, сидите с гетманом во дворце, а артиллерийских офицеров вышибли в сапогах на мороз с мужичьем перестреливаться! Не знали, как от меня отделаться. Мы, говорят, командируем

вас, капитан, по специальности в любую артиллерийскую часть. Поезжайте в город… Алеша, возьми меня к себе.

Алексей. С удовольствием. Я и сам хотел тебя вызвать. Я тебе первую батарею дам.

Мышлаевский. Благодетель…

Николка. Ура!.. Все вместе будем. Студзинский — старшим офицером… Прелестно!..

Мышлаевский. Вы где стоите?

Николка. Александровскую гимназию заняли. Завтра или послезавтра можно выступать.

Мышлаевский. Ты ждешь не дождешься, чтобы Петлюра тебя по затылку трахнул?

Николка. Ну, это еще кто кого!

Елена *(появляется с простыней)*. Ну, Виктор, отправляйся, отправляйся. Иди мойся. Ні простыню.

Мышлаевский. Лена ясная, позволь, я тебя за твои хлопоты обниму и поцелую. Как ты думаешь, Леночка, мне сейчас водки выпить или уже потом, за ужином, сразу?

Елена. Я думаю, что потом, за ужином, сразу. Виктор! Мужа ты моего не видел? Муж пропал.

Мышлаевский. Что ты, Леночка, найдется. Он сейчас приедет. *(Уходит.)*

Начинается непрерывный звонок.

Николка. Ну вот он-он! *(Бежит в переднюю.)*

Алексей. Господи, что это за звонок?

Николка отворяет дверь. Появляется в передней **Лариосик** с чемоданом и узлом.

Лариосик. Вот я и приехал. Со звонком у вас я что-то сделал.

Николка. Это вы кнопку вдавили. *(Выбегает за дверь, на лестницу.)*

Лариосик. Ах, Боже мой! Простите, ради Бога! *(Входит в комнату.)* Вот я и приехал. Здравствуйте, глубокоуважаемая Елена Васильевна, я вас сразу узнал по карточкам. Мама просит вам передать ее самый горячий привет.

Звонок прекращается. Входит **Николка**.

А равно также и Алексею Васильевичу.

Алексей. Мое почтение.

Лариосик. Здравствуйте, Николай Васильевич, я много о вас слышал. *(Всем.)* Вы удивлены, я вижу? Позвольте вам вручить письмо, оно вам все объяснит. Мама сказала мне, чтобы я, даже не раздеваясь, дал вам прочитать письмо.

Елена. Какой неразборчивый почерк!

Лариосик. Да, ужасно! Позвольте, лучше я сам прочитаю. У мамы такой почерк, что она иногда напишет, а потом сама не понимает, что она такое написала. У меня тоже такой почерк. Это у нас наследственное. *(Читает.)* «Милая, милая Леночка! Посылаю к вам моего мальчика прямо по-родственному; приютите и согрейте его, как вы умеете это делать. Ведь у вас такая громадная квартира...» Мама очень любит и уважает вас, а равно и Алексея Васильевича. *(Николке.)* И вас тоже. *(Читает.)* «Мальчуган поступает в Киевский университет. С его способностями...» ах уж эта мама!.. — «невозможно сидеть в Житомире, терять время. Содержание я вам буду переводить аккуратно. Мне не хотелось бы, чтобы мальчуган, привыкший к семье, жил у чужих людей. Но я очень спешу, сейчас идет санитарный поезд, он сам вам все расскажет...» Гм... вот и все.

Алексей. Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?

Лариосик. Как — с кем? Вы меня не знаете?

Алексей. К сожалению, не имею удовольствия.

Лариосик. Боже мой! И вы, Елена Васильевна?

Николка. И я тоже не знаю.

Лариосик. Боже мой, это прямо колдовство! Ведь мама послала вам телеграмму, которая должна вам все объяснить. Мама послала вам телеграмму в шестьдесят три слова.

Николка. Шестьдесят три слова!.. Ой-ой-ой!..

Елена. Мы никакой телеграммы не получали.

Лариосик. Не получали? Боже мой! Простите меня, пожалуйста. Я думал, что меня ждут, и прямо, не раздеваясь... Извините... я, кажется, что-то раздавил... Я ужасный неудачник!

Алексей. Да вы, будьте добры, скажите, как ваша фамилия?

Лариосик. Ларион Ларионович Суржанский.

Елена. Да это Лариосик?! Наш кузен из Житомира?

Лариосик. Ну да.

Елена. И вы... к нам приехали?

Лариосик. Да. Но, видите ли, я думал, что вы меня ждете... Простите, пожалуйста, я наследил вам... Я думал, что вы меня ждете, а раз так, то я поеду в какой-нибудь отель...

Елена. Какие теперь отели?! Погодите, вы прежде всего раздевайтесь.

Алексей. Да вас никто не гонит, снимайте пальто, пожалуйста.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Николка. Вот здесь, пожалуйста. Пальто можно повесить в передней.

Лариосик. Душевно вам признателен. Как у вас хорошо в квартире!

Елена *(шепотом)*. Алеша, что же мы с ним будем делать? Он симпатичный. Давай поместим его в библиотеке, все равно комната пустует.

Алексей. Конечно, поди скажи ему.

Елена. Вот что, Ларион Ларионович, прежде всего в ванну… Там уже есть один — капитан Мышлаевский… А то, знаете ли, после поезда…

Лариосик. Да-да, ужасно!.. Ужасно!.. Ведь от Житомира до Киева я ехал одиннадцать дней…

Николка. Одиннадцать дней!.. Ой-ой-ой!..

Лариосик. Ужас, ужас!.. Это такой кошмар!

Елена. Ну пожалуйста!

Лариосик. Душевно вам… Ах, извините, Елена Васильевна, я не могу идти в ванну.

Алексей. Почему вы не можете идти в ванну?

Лариосик. Извините меня, пожалуйста. Какие-то злодеи украли у меня в санитарном поезде чемодан с бельем. Чемодан с книгами и рукописями оставили, а белье все пропало.

Елена. Ну, это беда поправимая.

Николка. Я дам, я дам!

Лариосик *(интимно, Николке)*. Рубашка, впрочем, у меня здесь, кажется, есть одна. Я в нее собрание сочинений Чехова завернул. А вот не будете ли вы добры дать мне кальсоны?

Николка. С удовольствием. Они вам будут велики, но мы их заколем английскими булавками.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Елена. Ларион Ларионович, мы вас поместим в библиотеке. Николка, проводи!

Николка. Пожалуйте за мной.

Лариосик и **Николка** уходят.

Алексей. Вот тип! Я бы его остриг прежде всего. Ну, Леночка, зажги свет, я пойду к себе, у меня еще масса дел, а мне здесь мешают. *(Уходит.)*

Звонок.

Елена. Кто там?

Голос Тальберга. Я, я. Открой, пожалуйста.

Елена. Слава Богу! Где же ты был? Я так волновалась!

Тальберг *(входя)*. Не целуй меня, я с холоду, ты можешь простудиться.

Елена. Где же ты был?

Тальберг. В германском штабе задержали. Важные дела.

Елена. Ну иди, иди скорей, грейся. Сейчас чай будем пить.

Тальберг. Не надо чаю, Лена, погоди. Позвольте, чей это френч?

Елена. Мышлаевского. Он только что приехал с позиций, совершенно замороженный.

Тальберг. Все-таки можно прибрать.

Елена. Я сейчас. *(Вешает френч за дверь.)* Ты знаешь, еще новость. Сейчас неожиданно приехал мой кузен из Житомира, знаменитый Лариосик, Алексей оставил его у нас в библиотеке.

Тальберг. Я так и знал! Недостаточно одного сеньора Мышлаевского. Появляются еще какие-то житомирские кузены. Не дом, а постоялый двор. Я решительно не понимаю Алексея.

Елена. Володя, ты просто устал и в дурном расположении духа. Почему тебе не нравится Мышлаевский? Он очень хороший человек.

Тальберг. Замечательно хороший! Трактирный завсегдатай.

Елена. Володя!

Тальберг. Впрочем, сейчас не до Мышлаевского. Лена, закрой дверь… Лена, случилась ужасная вещь.

Елена. Что такое?

Тальберг. Немцы оставляют гетмана на произвол судьбы.

Елена. Володя, да что ты говоришь?! Откуда ты узнал?

Тальберг. Только что, под строгим секретом, в германском штабе. Никто не знает, даже сам гетман.

Елена. Что же теперь будет?

Тальберг. Что теперь будет… Гм… Половина десятого. Так-с… Что теперь будет?.. Лена!

Елена. Что ты говоришь?

Тальберг. Я говорю — «Лена»!

Елена. Ну что «Лена»?

Тальберг. Лена, мне сейчас нужно бежать.

Елена. Бежать? Куда?

Тальберг. В Германию, в Берлин. Гм… Дорогая моя, ты представляешь, что будет со мной, если русская армия не отобьет Петлюру и он войдет в Киев?

Елена. Тебя можно будет спрятать.

Тальберг. Миленькая моя, как можно меня спрятать! Я не иголка. Нет человека в городе, который не знал бы меня. Спрятать помощника военного министра. Не могу же я, подобно сеньору Мышлаевскому, сидеть без френча в чужой квартире. Меня отличнейшим образом найдут.

Елена. Постой! Я не пойму… Значит, мы оба должны бежать?

Тальберг. В том-то и дело, что нет. Сейчас выяснилась ужасная картина. Город обложен со всех сторон, и единственный способ выбраться — в германском штабном поезде. Женщин они не берут. Мне одно место дали благодаря моим связям.

Елена. Другими словами, ты хочешь уехать один?

Тальберг. Дорогая моя, не «хочу», а иначе не могу! Пойми — катастрофа! Поезд идет через полтора часа. Решай, и как можно скорее.

Елена. Через полтора часа? Как можно скорее? Тогда я решаю — уезжай.

Тальберг. Ты умница. Я всегда это говорил. Что я хотел еще сказать? Да, что ты умница! Впрочем, я это уже сказал.

Елена. На сколько же времени мы расстаемся?

Тальберг. Я думаю, месяца на два. Я только пережду в Берлине всю эту кутерьму, а когда гетман вернется…

Елена. А если он совсем не вернется?

Тальберг. Этого не может быть. Даже если немцы оставят Украину, Антанта займет ее и восстановит гетмана. Европе нужна гетманская Украина как кордон от московских большевиков. Ты видишь, я все рассчитал.

Елена. Да, я вижу, но только вот что: как же так, ведь гетман еще тут, они формируют свои войска, а ты вдруг бежишь на глазах у всех. Ловко ли это будет?

Тальберг. Милая, это наивно. Я тебе говорю по секрету — «я бегу», потому что знаю, что ты этого никогда никому не скажешь. Полковники генштаба не бегают. Они ездят в командировку. В кармане у меня командировка в Берлин от гетманского министерства. Что, недурно?

Елена. Очень недурно. А что же будет с ними со всеми?

Тальберг. Позволь тебя поблагодарить за то, что сравниваешь меня со всеми. Я не «все».

Елена. Ты же предупреди братьев.

Тальберг. Конечно, конечно. Отчасти я даже рад, что еду один на такой большой срок. Как-никак ты все-таки побережешь наши комнаты.

Елена. Владимир Робертович, здесь мои братья! Неужели же ты думаешь, что они вытеснят нас? Ты не имеешь права…

Тальберг. О нет, нет, нет… Конечно, нет… Но ты же знаешь пословицу: «Qui va à la chasse,

perd sa place»[3]. Теперь еще просьба, последняя. Здесь, гм… без меня, конечно, будет бывать этот… Шервинский…

Елена. Он и при тебе бывает.

Тальберг. К сожалению. Видишь ли, моя дорогая, он мне не нравится.

Елена. Чем, позволь узнать?

Тальберг. Его ухаживания за тобой становятся слишком назойливыми, и мне было бы желательно… Гм…

Елена. Что желательно было бы тебе?

Тальберг. Я не могу сказать тебе что. Ты женщина умная и прекрасно воспитана. Ты прекрасно понимаешь, как нужно держать себя, чтобы не бросить тень на фамилию Тальберг.

Елена. Хорошо… я не брошу тень на фамилию Тальберг.

Тальберг. Почему ты отвечаешь мне так сухо? Я ведь не говорю тебе о том, что ты можешь мне изменить. Я прекрасно знаю, что этого не может быть.

Елена. Почему ты полагаешь, Владимир Робертович, что этого не может быть?..

Тальберг. Елена, Елена, Елена! Я не узнаю тебя. Вот плоды общения с Мышлаевским! Замужняя дама — изменить!.. Без четверти десять! Я опоздаю!

Елена. Я сейчас тебе уложу…

Тальберг. Милая, ничего, ничего, только чемоданчик, в нем немного белья. Только ради Бога, скорее, даю тебе одну минуту.

Елена. Ты же все-таки простись с братьями.

Тальберг. Само собой разумеется, только смотри, я еду в командировку.

Елена. Алеша! Алеша! *(Убегает.)*

Алексей *(входя)*. Да, да… А, здравствуй, Володя.

Тальберг. Здравствуй, Алеша.

Алексей. Что за суета?

Тальберг. Видишь ли, я должен сообщить тебе важную новость. Нынче ночью положение гетмана стало весьма серьезным.

Алексей. Как?

Тальберг. Серьезно и весьма.

Алексей. В чем дело?

Тальберг. Очень возможно, что немцы не окажут помощи и придется отбивать Петлюру

своими силами.

Алексей. Что ты говоришь?!

Тальберг. Очень может быть.

Алексей. Дело желтенькое… Спасибо, что сказал.

Тальберг. Теперь второе. Так как я сейчас еду в командировку…

Алексей. Куда, если не секрет?

Тальберг. В Берлин.

Алексей. Куда? В Берлин?

Тальберг. Да. Как я ни барахтался, выкрутиться не удалось. Такое безобразие!

Алексей. Надолго, смею спросить?

Тальберг. На два месяца.

Алексей. Ах вот как.

Тальберг. Итак, позволь пожелать тебе всего хорошего. Берегите Елену. *(Протягивает руку.)*

Алексей прячет руку за спину.

Что это значит?

Алексей. Это значит, что командировка ваша мне не нравится.

Тальберг. Полковник Турбин!

Алексей. Я вас слушаю, полковник Тальберг.

Тальберг. Вы мне ответите за это, господин брат моей жены!

Алексей. А когда прикажете, господин Тальберг?

Тальберг. Когда… Без пяти десять… Когда я вернусь.

Алексей. Ну, Бог знает что случится, когда вы вернетесь!

Тальберг. Вы… вы… Я давно уже хотел поговорить с вами.

Алексей. Жену не волновать, господин Тальберг!

Елена *(входя)*. О чем вы говорили?

Алексей. Ничего, ничего, Леночка!

Тальберг. Ничего, ничего, дорогая! Ну, до свидания, Алеша!

Алексей. До свидания, Володя!

Елена. Николка! Николка!

Николка *(входя)*. Вот он я. Ох, приехал?

Елена. Володя уезжает в командировку. Простись с ним.

Тальберг. До свидания, Никол.

Николка. Счастливого пути, господин полковник.

Тальберг. Елена, вот тебе деньги. Из Берлина немедленно вышлю. Честь имею кланяться. *(Стремительно идет в переднюю.)* Не провожай меня, дорогая, ты простудишься. *(Уходит.)*

Елена идет за ним.

Алексей *(неприятным голосом)*. Елена, ты простудишься!

Пауза.

Николка. Алеша, как же это он так уехал? Куда?

Алексей. В Берлин.

Николка. В Берлин... В такой момент... *(Смотря в окно.)* С извозчиком торгуется. *(Философски.)* Алеша, ты знаешь, я заметил, что он на крысу похож.

Алексей *(машинально)*. Совершенно верно, Никол. А дом наш — на корабль. Ну, иди к гостям. Иди, иди.

Николка уходит.

Дивизион в небо, как в копеечку, попадает. «Весьма серьезно». «Серьезно и весьма». Крыса! (Уходит.)

Елена *(возвращается из передней. Смотрит в окно)*. Уехал...

Картина вторая

Накрыт стол для ужина

Елена *(у рояля, берет один и тот же аккорд)*. Уехал. Как уехал...

Шервинский *(внезапно появляется на пороге)*. Кто уехал?

Елена. Боже мой! Как вы меня испугали, Шервинский! Как же вы вошли без звонка?

Шервинский. Да у вас дверь открыта — все настежь. Здравия желаю, Елена Васильевна. *(Вынимает из бумаги громадный букет.)*

Елена. Сколько раз я просила вас, Леонид Юрьевич, не делать этого. Мне неприятно, что вы тратите деньги.

Шервинский. Деньги существуют на то, чтобы их тратить, как сказал Карл Маркс. Разрешите снять бурку?

Елена. А если б я сказала, что не разрешаю?

Шервинский. Я просидел бы всю ночь в бурке у ваших ног.

Елена. Ой, Шервинский, армейский комплимент.

Шервинский. Виноват, это гвардейский комплимент. *(Снимает в передней бурку, остается в великолепнейшей черкеске.)* Я так рад, что вас увидел! Я так давно вас не видел!

Елена. Если память мне не изменяет, вы были у нас вчера.

Шервинский. Ах, Елена Васильевна, что такое в наше время «вчера»! Итак, кто же уехал?

Елена. Владимир Робертович.

Шервинский. Позвольте, он же сегодня должен был вернуться!

Елена. Да, он вернулся и… опять уехал.

Шервинский. Куда?

Елена. Какие дивные розы!

Шервинский. Куда?

Елена. В Берлин.

Шервинский. В… Берлин? И надолго, разрешите узнать?

Елена. Месяца на два.

Шервинский. На два месяца! Да что вы!.. Печально, печально, печально… Я так расстроен, я так расстроен!!

Елена. Шервинский, пятый раз целуете руку.

Шервинский. Я, можно сказать, подавлен… Боже мой, да тут все! Ура! Ура!

Голос Николки. Шервинский! Демона!

Елена. Чему вы так бурно радуетесь?

Шервинский. Я радуюсь… Ах, Елена Васильевна, вы не поймете!..

Елена. Вы не светский человек, Шервинский.

Шервинский. Я не светский человек? Позвольте, почему же? Нет, я светский… Просто я, знаете ли, расстроен… Итак, стало быть, он уехал, а вы остались.

Елена. Как видите. Как ваш голос?

Шервинский *(у рояля)*. Ма-ма… миа… ми… Он далеко, он да… он далеко, он не узнает… Да… В бесподобном голосе. Ехал к вам на извозчике, казалось, что и голос сел, а сюда приезжаю — оказывается, в голосе.

Елена. Ноты захватили?

Шервинский. Ну как же, как же… Вы чистой воды богиня!

Елена. Единственно, что в вас есть хорошего, — это голос, и прямое ваше назначение — это оперная карьера.

Шервинский. Кое-какой материал есть. Вы знаете, Елена Васильевна, я однажды в Жмеринке пел эпиталаму, там вверху «фа», как вам известно, а я взял «ля» и держал девять тактов.

Елена. Сколько?

Шервинский. Семь тактов держал. Напрасно вы не верите. Ей-богу! Там была графиня Гендрикова… Она влюбилась в меня после этого «ля».

Елена. И что же было потом?

Шервинский. Отравилась. Цианистым калием.

Елена. Ах, Шервинский! Это у вас болезнь, честное слово. Господа, Шервинский! Идите к столу!

Входят **Алексей**, **Студзинский** и **Мышлаевский**.

Алексей. Здравствуйте, Леонид Юрьевич. Милости просим.

Шервинский. Виктор! Жив! Ну, слава Богу! Почему ты в чалме?

Мышлаевский *(в чалме из полотенца)*. Здравствуй, адъютант.

Шервинский *(Студзинскому)*. Мое почтение, капитан.

Входят **Лариосик** и **Николка**.

Мышлаевский. Позвольте вас познакомить. Старший офицер нашего дивизиона капитан Студзинский, а это мсье Суржанский. Вместе с ним купались.

Николка. Кузен наш из Житомира.

Студзинский. Очень приятно.

Лариосик. Душевно рад познакомиться.

Шервинский. Ее Императорского Величества Лейб-Гвардии Уланского полка и личный адъютант гетмана поручик Шервинский.

Лариосик. Ларион Суржанский. Душевно рад с вами познакомиться.

Мышлаевский. Да вы не приходите в такое отчаяние. Бывший лейб, бывшей гвардии, бывшего полка..

Елена. Господа, идите к столу.

Алексей. Да-да, пожалуйста, а то двенадцать часов, завтра рано вставать.

Шервинский. Ух, какое великолепие! По какому случаю пир, позвольте спросить?

Николка. Последний ужин дивизиона. Завтра выступаем, господин поручик…

Шервинский. Ага…

Студзинский. Где прикажете, господин полковник?

Шервинский. Где прикажете?

Алексей. Где угодно, где угодно. Прошу вас! Леночка, будь хозяйкой.

Усаживаются.

Шервинский. Итак, стало быть, он уехал, а вы остались?

Елена. Шервинский, замолчите.

Мышлаевский. Леночка, водки выпьешь?

Елена. Нет-нет-нет!..

Мышлаевский. Ну, тогда белого вина.

Студзинский. Вам позволите, господин полковник?

Алексей. Мерси, вы, пожалуйста, себе.

Мышлаевский. Вашу рюмку.

Лариосик. Я, собственно, водки не пью.

Мышлаевский. Помилуйте, я тоже не пью. Но одну рюмку. Как же вы будете селедку без водки есть? Абсолютно не понимаю.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Мышлаевский. Давно, давно я водки не пил.

Шервинский. Господа! Здоровье Елены Васильевны! Ура!

Студзинский, Лариосик, Мышлаевский. Ура!

Елена. Тише! Что вы, господа! Весь переулок разбудите. И так уж твердят, что у нас каждый день попойка.

Мышлаевский. Ух, хорошо! Освежает водка. Не правда ли?

Лариосик. Да, очень!

Мышлаевский. Умоляю, еще по рюмке. Господин полковник…

Алексей. Ты не гони особенно, Виктор, завтра выступать.

Николка. И выступим!

Елена. Что с гетманом, скажите?

Студзинский. Да-да, что с гетманом?

Шервинский. Все обстоит благополучно. Какой вчера был ужин во дворце!.. На двести персон. Рябчики… Гетман в национальном костюме.

Елена. Да говорят, что немцы нас оставляют на произвол судьбы?

Шервинский. Не верьте никаким слухам, Елена Васильевна.

Лариосик. Благодарю, глубокоуважаемый Виктор Викторович. Я ведь, собственно говоря, водки не пью.

Мышлаевский *(выпивая)*. Стыдитесь, Ларион!

Шервинский, Николка. Стыдитесь!

Лариосик. Покорнейше благодарю.

Алексей. Ты, Никол, на водку-то не налегай.

Николка. Слушаю, господин полковник! Я — белого вина.

Лариосик. Как это вы ловко ее опрокидываете, Виктор Викторович.

Мышлаевский. Достигается упражнением.

Алексей. Спасибо, капитан. А салату?

Студзинский. Покорнейше благодарю.

Мышлаевский. Лена золотая! Пей белое вино. Радость моя! Рыжая Лена, я знаю, отчего ты так расстроена. Брось! Все к лучшему.

Шервинский. Все к лучшему.

Мышлаевский. Нет-нет, до дна, Леночка, до дна!

Николка *(берет гитару, поет)*. Кому чару пить, кому здраву быть… пить чару…

Все *(поют)*. Свет Елене Васильевне!

— Леночка, выпейте!
— Выпейте… выпейте…

Елена пьет.

— Браво!!!

Аплодируют.

Мышлаевский. Ты замечательно выглядишь сегодня. Ей-богу. И капот этот идет к тебе, клянусь честью. Господа, гляньте, какой капот, совершенно зеленый!

Елена. Это платье, Витенька, и не зеленое, а серое.

Мышлаевский. Ну, тем хуже. Все равно. Господа, обратите внимание, не красивая она женщина, вы скажете?

Студзинский. Елена Васильевна очень красивая. Ваше здоровье!

Мышлаевский. Лена ясная, позволь, я тебя обниму и поцелую.

Шервинский. Ну, ну, Виктор, Виктор!..

Мышлаевский. Леонид, отойди. От чужой, мужней жены отойди!

Шервинский. Позволь…

Мышлаевский. Мне можно, я друг детства.

Шервинский. Свинья ты, а не друг детства…

Николка *(вставая)*. Господа, здоровье командира дивизиона!

Студзинский, **Шервинский** и **Мышлаевский** встают.

Лариосик. Ура!.. Извините, господа, я человек не военный.

Мышлаевский. Ничего, ничего, Ларион! Правильно!

Лариосик. Многоуважаемая Елена Васильевна! Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо…

Елена. Очень приятно.

Лариосик. Многоуважаемый Алексей Васильевич… Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо!..

Алексей. Очень приятно.

Лариосик. Господа, кремовые шторы… за ними отдыхаешь душой… забываешь о всех ужасах гражданской войны. А ведь наши избранные души так жаждут покоя…

Мышлаевский. Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете?

Лариосик. Я? Да… пишу.

Мышлаевский. Так. Извините, что я вас перебил. Продолжайте.

Лариосик. Пожалуйста… Кремовые шторы… Они отделяют нас от всего мира… Впрочем, я человек не военный… Эх!.. Налейте мне еще рюмочку.

Мышлаевский. Браво, Ларион! Ишь, хитрец, а говорил — не пьет. Симпатичный ты парень, Ларион, но речи произносишь, как глубокоуважаемый сапог.

Лариосик. Нет, не скажите, Виктор Викторович, я говорил речи и не однажды… в обществе сослуживцев моего покойного папы… в Житомире… Ну, там податные инспектора… Они меня тоже… ох как ругали!

Мышлаевский. Податные инспектора — известные звери.

Шервинский. Пейте, Лена, пейте, дорогая!

Елена. Напоить меня хотите? У, какой противный!

Николка *(у рояля, поет)*.

Скажи мне, кудесник, любимец богов[4],
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль на радость соседей-врагов
Могильной засыплюсь землею?

Лариосик *(поет)*.

Так громче, музыка, играй победу.

Все *(поют)*.

Мы победили, и враг бежит.
Так за…

Лариосик. Царя…

Алексей. Что вы, что вы!

Все *(поют фразу без слов)*.

…….
Мы грянем громкое «Ура! Ура! Ура!».

Николка *(поет)*.

Из темного леса навстречу ему…

Все поют.

Лариосик. Эх! До чего у вас весело, Елена Васильевна, дорогая! Огни!.. Ура!

Шервинский. Господа! Здоровье его светлости гетмана всея Украины. Ура!

Пауза.

Студзинский. Виноват. Завтра драться я пойду, но тост этот пить не стану и другим офицерам не советую.

Шервинский. Господин капитан!

Лариосик. Совершенно неожиданное происшествие.

Мышлаевский *(пьян)*. Из-за него, дьявола, я себе ноги отморозил. *(Пьет.)*

Студзинский. Господин полковник, вы тост одобряете?

Алексей. Нет, не одобряю!

Шервинский. Господин полковник, позвольте, я скажу!

Студзинский. Нет, уж позвольте, я скажу!

Лариосик. Нет, уж позвольте, я скажу! Здоровье Елены Васильевны, а равно ее глубокоуважаемого супруга, отбывшего в Берлин!

Мышлаевский. Во! Угадал, Ларион! Лучше — трудно.

Николка *(поет)*.

Скажи мне всю правду, не бойся меня…

Лариосик. Простите, Елена Васильевна, я человек не военный.

Елена. Ничего, ничего, Ларион. Вы душевный человек, хороший. Идите ко мне сюда.

Лариосик. Елена Васильевна! Ах, Боже мой, красное вино!..

Николка. Солью, солью посыплем… ничего.

Студзинский. Этот ваш гетман!..

Алексей. Одну минуту, господа!.. Что же, в самом деле? В насмешку мы ему дались, что ли? Если бы ваш гетман, вместо того чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, ведь Петлюры бы духу не пахло в Малороссии. Но этого мало: мы бы большевиков в Москве прихлопнули, как мух. И самый момент! Там, говорят, кошек жрут. Он бы, мерзавец, Россию спас!

Шервинский. Немцы бы не позволили формировать армию, они ее боятся.

Алексей. Неправда-с. Немцам нужно было объяснить, что мы им не опасны. Конечно! Войну мы проиграли! У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще все на свете: у нас большевики. Немцам нужно было сказать: «Вам что? Нужен хлеб, сахар? Нате, берите, лопайте, подавитесь, но только помогите нам, чтобы наши мужички не заболели московской болезнью». А теперь поздно, наше офицерство превратилось в завсегдатаев кафе. Кафейная армия! Пойди его забери. Так он тебе и пойдет воевать. У него, у мерзавца, валюта в кармане. Он в кофейне сидит на Крещатике, а вместе с ним вся эта гвардейская штабная орава. Нуте-с, великолепно! Дали полковнику Турбину дивизион: лети, спеши, формируй, ступай, Петлюра идет!.. Отлично-с! А вот глянул я вчера на них, и, даю вам слово чести, — в первый раз дрогнуло мое сердце.

Мышлаевский. Алеша, командирчик ты мой! Артиллерийское у тебя сердце! Пью здоровье!

Алексей. Дрогнуло, потому, что на сто юнкеров — сто двадцать студентов, и держат они винтовку, как лопату. И вот вчера на плацу… Снег идет, туман вдали… Померещился мне, знаете ли, гроб…

Елена. Алеша, зачем ты говоришь такие мрачные вещи? Не смей!

Николка. Не извольте расстраиваться, господин командир, мы не выдадим.

Алексей. Вот, господа, сижу я сейчас среди вас, и все у меня одна неотвязная мысль. Ах! Если бы мы все это могли предвидеть раньше! Вы знаете, что такое этот ваш Петлюра! Это миф, это черный туман. Его и вовсе нет. Вы гляньте в окно, посмотрите, что там. Там метель, какие-то тени… В России, господа, две силы: большевики и мы. Мы еще встретимся. Вижу я более грозные времена. Вижу я… Ну, ладно! Мы не удержим Петлюру. Но ведь он ненадолго придет. А вот за ним придут большевики. Вот из-за этого я и иду! На рожон, но пойду! Потому что, когда мы встретимся с ними, дело пойдет веселее. Или мы их закопаем, или, вернее, они нас. Пью за встречу, господа!

Лариосик *(за роялем, поет)*.

Жажда встречи,
Клятвы, речи —
Все на свете
Трын-трава…

Николка. Здорово, Ларион! *(Поет.)*

Жажда встречи,
Клятвы, речи…

Все сумбурно поют. **Лариосик** внезапно зарыдал.

Елена. Лариосик, что с вами?

Николка. Ларион!

Мышлаевский. Что ты, Ларион, кто тебя обидел?

Лариосик *(пьян)*. Я испугался.

Мышлаевский. Кого? Большевиков? Ну, мы им сейчас покажем! *(Берет маузер.)*

Елена. Виктор, что ты делаешь?!

Мышлаевский. Комиссаров буду стрелять. Кто из вас комиссар?

Шервинский. Маузер заряжен, господа!!

Студзинский. Капитан, сядь сию минуту!

Елена. Господа, отнимите у него!

Отнимает маузер. **Лариосик** уходит.

Алексей. Что ты, с ума сошел? Сядь сию минуту! Это я виноват, господа.

Мышлаевский. Стало быть, я в компанию большевиков попал. Очень приятно. Здравствуйте, товарищи! Выпьем за здоровье комиссаров. Они симпатичные!

Елена. Виктор, не пей больше.

Мышлаевский. Молчи, комиссарша!

Шервинский. Боже, как нализался!

Алексей. Господа, это я виноват. Не слушайте того, что я сказал. Просто у меня расстроены нервы.

Студзинский. О нет, господин полковник. Поверьте, что мы понимаем и что мы разделяем все, что вы сказали. Империю Российскую мы будем защищать всегда!

Николка. Да здравствует Россия!

Шервинский. Позвольте слово! Вы меня не поняли! Гетман так и сделает, как вы предлагаете. Вот когда нам удастся отбиться от Петлюры и союзники помогут нам разбить большевиков, вот тогда гетман положит Украину к стопам Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича…

Мышлаевский. Какого Александровича? А говорит, я нализался.

Николка. Император убит…

Шервинский. Господа! Известие о смерти Его Императорского Величества…

Мышлаевский. Несколько преувеличено.

Студзинский. Виктор, ты офицер!

Елена. Дайте же сказать ему, господа!

Шервинский…вымышлено большевиками. Вы знаете, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана? Император Вильгельм сказал: «А о дальнейшем с вами будет говорить…» — портьера раздвинулась, и вышел наш государь.

Входит **Лариосик**.

Он сказал: «Господа офицеры, поезжайте на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет время, я лично вас поведу в сердце России, в Москву!» И прослезился.

Студзинский. Убит он!

Елена. Шервинский! Это правда?

Шервинский. Елена Васильевна!

Алексей. Поручик, это легенда! Я уже слышал эту историю.

Николка. Все равно. Пусть император мертв, да здравствует император! Ура!.. Гимн! Шервинский! Гимн! *(Поет.)* Боже, царя храни!..

Шервинский, Студзинский, Мышлаевский. Боже, царя храни!..

Лариосик *(поет)*. Сильный, державный…

Николка, Студзинский, Шервинский. Царствуй на…

Елена, Алексей. Господа, что вы! Не нужно этого!

Мышлаевский *(плачет)*. Алеша, разве это народ! Ведь это бандиты. Профессиональный союз цареубийц. Петр Третий… Ну что он им сделал? Что? Орут: «Войны не надо!» Отлично… Он же прекратил войну. И кто? Собственный дворянин царя по морде бутылкой!.. Павла Петровича князь портсигаром по уху… А этот, забыл, как его… с бакенбардами, симпатичный, дай, думает, мужикам приятное сделаю, освобожу их, чертей полосатых. Так его бомбой за это? Пороть их надо, негодяев, Алеша! Ох, мне что-то плохо, братцы…

Елена. Ему плохо!

Николка. Капитану плохо!

Алексей. В ванну.

Студзинский, Николка и **Алексей** поднимают **Мышлаевского** и выносят.

Елена. Я пойду посмотрю, что с ним.

Шервинский *(загородив дверь)*. Не надо, Лена!

Елена. Господа, господа, ведь нужно же так… Хаос… Накурили… Лариосик-то, Лариосик!..

Шервинский. Что вы, что вы, не будите его!

Елена. Я сама из-за вас напилась. Боже, ноги не ходят.

Шервинский. Вот сюда, сюда… Вы мне разрешите… возле вас?

Елена. Садитесь… Шервинский, что с нами будет? Чем же все это кончится? А?.. Я видела дурной сон. Вообще кругом за последнее время все хуже и хуже.

Шервинский. Елена Васильевна! Все будет благополучно, а снам не верьте…

Елена. Нет, нет, мой сон — вещий. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм. Ветер воет. Холодно-холодно. Волны. А мы в трюме. Вода поднимается к самым ногам… Влезаем на какие-то нары. И вдруг крысы. Такие омерзительные, такие огромные. Так страшно, что я проснулась.

Шервинский. А вы знаете что, Елена Васильевна? Он не вернется.

Елена. Кто?

Шервинский. Ваш муж.

Елена. Леонид Юрьевич, это нахальство. Какое вам дело? Вернется, не вернется.

Шервинский. Мне-то большое дело. Я вас люблю.

Елена. Слышала. И все вы сочиняете.

Шервинский. Ей-богу, я вас люблю.

Елена. Ну и любите про себя.

Шервинский. Не хочу. Мне надоело.

Елена. Постойте, постойте. Почему вы вспомнили о моем муже, когда я сказала про крыс?

Шервинский. Потому что он на крысу похож.

Елена. Какая вы свинья все-таки, Леонид! Во-первых, вовсе не похож.

Шервинский. Как две капли. Пенсне, носик острый…

Елена. Очень, очень красиво! Про отсутствующего человека гадости говорить, да еще его жене!

Шервинский. Какая вы ему жена!

Елена. То есть как?

Шервинский. Вы посмотрите на себя в зеркало. Вы красивая, умная, как говорится, интеллектуально развитая. Вообще женщина на ять. Аккомпанируете прекрасно на рояле. А он рядом с вами — вешалка, карьерист, штабной момент.

Елена. За глаза-то! Отлично! *(Зажимает ему рот.)*

Шервинский. Да я ему это в глаза скажу. Давно хотел. Скажу и вызову на дуэль. Вы с ним несчастливы.

Елена. С кем же я буду счастлива?

Шервинский. Со мной.

Елена. Вы не годитесь.

Шервинский. Ого-го!.. Почему это я не гожусь?

Елена. Что в вас есть хорошего?

Шервинский. Да вы всмотритесь.

Елена. Ну побрякушки адъютантские, смазлив, как херувим. И голос. И больше ничего.

Шервинский. Так я и знал! Что за несчастье! Все твердят одно и то же: Шервинский — адъютант, Шервинский — певец, то, другое… А что у Шервинского есть душа, этого никто не замечает. И живет Шервинский как бездомная собака, и не к кому Шервинскому на грудь голову склонить.

Елена *(отталкивает его голову)*. Вот гнусный ловелас! Мне известны ваши похождения. Всем одно и то же говорите. И этой вашей, длинной. Фу, губы накрашенные…

Шервинский. Она не длинная. Это меццо-сопрано. Елена Васильевна, ей-богу, ничего подобного я ей не говорил и не скажу. Нехорошо с вашей стороны, Лена, как нехорошо с твоей стороны, Лена.

Елена. Я вам не Лена!

Шервинский. Ну, нехорошо с твоей стороны, Елена Васильевна. Вообще у вас нет никакого чувства ко мне.

Елена. К несчастью, вы мне очень нравитесь.

Шервинский. Ага! Нравлюсь. А мужа своего вы не любите.

Елена. Нет люблю.

Шервинский. Лена, не лги. У женщины, которая любит мужа, не такие глаза. Я видал женские глаза. В них все видно.

Елена. Ну да, вы опытны, конечно.

Шервинский. Как он уехал?!

Елена. И вы бы так сделали.

Шервинский. Я? Никогда! Это позорно. Сознайтесь, что вы его не любите!

Елена. Ну, хорошо: не люблю и не уважаю. Не уважаю. Довольны? Но из этого ничего не следует. Уберите руки.

Шервинский. А зачем вы тогда поцеловались со мной?

Елена. Лжешь ты! Никогда я с тобой не целовалась. Лгун с аксельбантами!

Шервинский. Я лгу?.. А у рояля? Я пел «Бога всесильного»… и мы были одни. И даже скажу когда — восьмого ноября. Мы были одни, и ты поцеловала в губы.

Елена. Я тебя за голос поцеловала. Потому что голос у тебя замечательный. И больше ничего.

Шервинский. Ничего?

Елена. Это мучение. Честное слово! Посуда грязная. Эти пьяные. Муж куда-то уехал. Кругом свет…

Шервинский. Свет мы уберем. *(Тушит верхний свет.)* Так хорошо? Слушай, Лена, я тебя очень люблю. Я тебя все равно не выпущу. Ты будешь моей женой.

Елена. Пристал, как змея… как змея.

Шервинский. Какая же я змея?

Елена. Пользуется каждым случаем и соблазняет. Ничего ты не добьешься. Ничего. Какой бы он ни был, не стану я из-за тебя ломать свою жизнь. Может быть, ты еще хуже окажешься.

Шервинский. Лена, до чего ты хороша!

Елена. Уйди! Я пьяна. Это ты сам меня напоил нарочно. Ты известный негодяй. Вся жизнь наша рушится. Все пропадает, валится.

Шервинский. Елена, ты не бойся, я тебя не покину в такую минуту. Я возле тебя буду, Лена.

Елена. Выпустите меня. Я боюсь бросить тень на фамилию Тальберг.

Шервинский. Лена, ты брось его совсем и выходи за меня… Лена!

Целуются.

Разведешься?

Елена. Ах, пропади все пропадом!

Целуются.

Лариосик *(внезапно)*. Не целуйтесь, а то меня тошнит.

Елена. Пустите меня! Боже мой! *(Убегает.)*

Лариосик. Ох!..

Шервинский. Молодой человек, вы ничего не видали!

Лариосик *(мутно)*. Нет, видал.

Шервинский. То есть как?

Лариосик. Если у тебя король, ходи с короля, а дам не трогай!.. Не трогай!.. Ой!..

Шервинский. Я с вами не играл.

Лариосик. Нет, ты играл.

Шервинский. Боже, как нарезался!

Лариосик. Вот посмотрим, что мама вам скажет, когда я умру. Я говорил, что я человек не военный, мне водки столько нельзя. *(Падает на грудь Шервинскому.)*

Шервинский. Как надрался!

Часы бьют три, играют менуэт.

Занавес.

Действие второе

Картина первая

Рабочий кабинет гетмана во дворце. Громадный письменный стол, на нем телефонные аппараты. Отдельно полевой телефон На стене огромная карта в раме. Ночь. Кабинет ярко освещен.

Дверь отворяется, и **камер-лакей** впускает **Шервинского**.

Шервинский. Здравствуйте, Федор.

Лакей. Здравия желаю, господин поручик.

Шервинский. Как! Никого нет? А кто из адъютантов дежурит у аппаратов?

Лакей. Его сиятельство князь Новожильцев.

Шервинский. А где же он?

Лакей. Не могу знать. С полчаса назад вышли.

Шервинский. Как это так? И аппараты полчаса стояли без дежурного?

Лакей. Да никто не звонил. Я все время был у дверей.

Шервинский. Мало ли что не звонил! А если бы позвонил? В такой момент! Черт знает что такое!

Лакей. Я бы принял телефонограмму. Они так и распорядились, чтобы, пока вы не приедете, я бы записывал.

Шервинский. Вы? Записывать военные телефонограммы?!.. Да что у него, размягчение мозга? А, понял, понял! Он заболел?

Лакей. Никак нет. Они вовсе из дворца выбыли.

Шервинский. То есть как это — вовсе из дворца? Вы шутите, дорогой Федор. Не сдав дежурства, отбыл из дворца? Значит, он в сумасшедший дом отбыл?

Лакей. Не могу знать. Только они забрали свою зубную щетку, полотенце и мыло из адъютантской комнаты. Я же им еще газету давал.

Шервинский. Какую газету?

Лакей. Я же докладываю, господин поручик: во вчерашний номер они мыло завернули.

Шервинский. Позвольте, да вот же его шашка!

Лакей. Да они в штатском уехали.

Шервинский. Или я с ума сошел, или вы. Запись-то он мне оставил, по крайней мере? Что-нибудь приказал передать?

Лакей. Приказали кланяться.

Шервинский. Вы свободны, Федор.

Лакей. Слушаю. Разрешите доложить, господин адъютант?

Шервинский. Нуте-с?

Лакей. Они изволили неприятное известие получить.

Шервинский. Откуда? Из дому?

Лакей. Никак нет. По полевому телефону. И сейчас же заторопились. При этом в лице очень изменились.

Шервинский. Я надеюсь, Федор, что вас не касается окраска лица адъютантов его светлости. Вы лишнее говорите.

Лакей. Прошу извинить, господин поручик. *(Уходит.)*

Шервинский *(говорит по телефону на гетманском столе)*. 12–23… Мерси… Это квартира князя Новожильцева?.. Попросите Сергея Николаевича… Что? Во дворце? Его нет во дворце. Я сам говорю из дворца… Постой, Сережа, да это твой голос!.. Сере… Позвольте…

Телефон звонит отбой.

Что за хамство! Я же отлично слышал, что это он сам. *(Пауза.)* Шервинский, Шервинский… *(Вызывает по полевому телефону, телефон пищит.)* Штаб Святошинского отряда… Попросите начштаба… Как — его нет! Помощника… Штаб Святошинского отряда?.. Что за чертовщина!.. *(Садится за стол, звонит.)*

Входит **камер-лакей**.

(Пишет записку.) Федор, сейчас же эту записку передайте вестовому. Чтобы срочно поехал ко мне на квартиру на Львовскую улицу, там ему по этой записке дадут сверток. Чтобы сейчас же привез его сюда. Вот два карбованца ему на извозчика. Вот записка в комендатуру на пропуск.

Лакей. Слушаю. *(Уходит.)*

Шервинский *(трогает баки, задумчиво)*. Что за чертовщина, честное слово!

На столе звонит телефон.

Я слушаю… Да. Личный адъютант его светлости поручик Шервинский… Здравия желаю, ваше превосходительство… Как-с? *(Пауза.)* Болботун?!. Как, со всем штабом?.. Слушаю!.. Так-с, передам… Слушаю, ваше превосходительство… Его светлость должен быть в двенадцать часов ночи. *(Вешает трубку.)*

Телефон звонит отбой. Пауза.

Я убит, господа! *(Свистит.)*

За сценой глухая команда: «Смирно!» — потом многоголосый крик караула: «Здравия желаем, ваша светлость!»

Лакей *(открывает обе половинки двери)*. Его светлость!

Входит **гетман**. Он в богатейшей черкеске, малиновых шароварах и сапогах без каблуков кавказского типа и без шпор. Блестящие генеральские погоны. Коротко подстриженные седеющие усы, гладко обритая голова, лет сорока пяти.

Гетман. Здравствуйте, поручик.

Шервинский. Здравия желаю, ваша светлость.

Гетман. Приехали?

Шервинский. Осмелюсь спросить — кто?

Гетман. Как это — кто? Я назначил без четверти двенадцать совещание у меня. Должен быть командующий русской армией, начальник гарнизона и представители германского командования. Где они?

Шервинский. Не могу знать. Никто не прибыл.

Гетман. Вечно опаздывают. Сводку мне за последний час. Живо!

Шервинский. Осмелюсь доложить вашей светлости: я только что принял дежурство. Корнет князь Новожильцев, дежуривший передо мной…

Гетман. Я давно уже хотел поставить на вид вам и другим адъютантам, что следует говорить по-украински. Это безобразие, в конце концов! Ни один мой офицер не говорит на языке страны, а на украинские части это производит самое отрицательное впечатление. Прохаю ласково.

Шервинский. Слухаю, ваша светлость. Дежурный адъютант корнет… князь… *(В сторону.)* Черт его знает, как «князь» по-украински!.. Черт! *(Вслух.)* Новожильцев, временно исполняющий обязанности… Я ду́маю… дума́ю… думова́ю…

Гетман. Говорите по-русски!

Шервинский. Слушаю, ваша светлость. Корнет князь Новожильцев, дежуривший передо мной, очевидно, внезапно заболел и отбыл домой еще до моего прибытия…

Гетман. Что вы такое говорите? Отбыл с дежурства? Вы сами-то как? В здравом уме? То есть как это — отбыл с дежурства? Значит, бросил дежурство? Что у вас тут происходит, в конце концов? *(Звонит по телефону.)* Комендатура?.. Дать сейчас же наряд… По голосу надо слышать, кто говорит. Наряд на квартиру к моему адъютанту корнету Новожильцеву, арестовать его и доставить в комендатуру. Сию минуту.

Шервинский *(в сторону)*. Так ему и надо! Будет знать, как чужими голосами по телефону разговаривать. Хам!

Гетман *(по телефону)*. Зараз! *(Шервинскому.)* Ну а запись он оставил?

Шервинский. Так точно. Но на ленте ничего нет.

Гетман. Да что ж он? Спятил? Рехнулся? Да я его расстреляю сейчас, здесь же, у дворцового парапета. Я вам покажу всем! Соединитесь сейчас же со штабом командующего. Просить немедленно ко мне! То же самое начгарнизона и всех командиров полков. Живо!

Шервинский. Осмелюсь доложить, ваша светлость, известие чрезвычайной важности.

Гетман. Какое там еще известие?

Шервинский. Пять минут назад мне звонили из штаба командующего и сообщили, что командующий добровольческой армии при вашей светлости внезапно заболел и отбыл со всем штабом в германском поезде в Германию.

Пауза.

Гетман. Вы в здравом уме? У вас глаза больные… Вы соображаете, о чем вы доложили? Что такое произошло? Катастрофа, что ли? Они бежали? Что же вы молчите? Ну!..

Шервинский. Так точно, ваша светлость, катастрофа. В десять часов вечера петлюровские части прорвали городской фронт и конница Болботуна пошла в прорыв…

Гетман. Болботуна?.. Где?..

Шервинский. За Слободкой, в десяти верстах.

Гетман. Погодите… погодите… так… что такое?.. Вот что… Во всяком случае, вы отличный, расторопный офицер. Я давно это заметил. Вот что. Сейчас же соединитесь со штабом германского командования и просите представителей его сию минуту пожаловать ко мне. Живо, голубчик, живо!

Шервинский. Слушаю. *(По телефону.)* Третий. Seien Sie bitte so liebenswürdig, Herrn Major fon Dust an den Apparat zu bitten.

Стук в дверь.

Ja… Ja…[5]

Гетман. Войдите, да.

Лакей. Представители германского командования генерал фон Шратт и майор фон Дуст просят их принять.

Гетман. Просить сюда сейчас же. *(Шервинскому.)* Отставить.

Лакей впускает **фон-Шратта** и **фон Дуста**. Оба в серой форме. **Шратт** — длиннолицый, седой. **Дуст** — с багровым лицом. Оба в моноклях.

Шратт. Wir haben die Ehre, Euer Durchlaucht zu begrüssen[6].

Гетман. Sehr erfreut, Sie zu sehen, meine Herren. Bitte nehmen Sie Platz.

Немцы усаживаются.

Ich habe eben die Nachricht von der schwierigen Lage unserer Armee erhalten[7].

Шратт. Das ist uns schon längere Zeit bekannt[8].

Гетман *(Шервинскому)*. Пожалуйста, записывайте протокол совещания.

Шервинский. По-русски разрешите, ваша светлость?

Гетман. Генерал, могу просить говорить по-русски?

Шратт *(с резким акцентом)*. О да! С большим удовольствием.

Гетман. Мне сейчас стало известно, что петлюровская конница прорвала городской фронт.

Шервинский пишет.

Кроме того, из штаба русского командования я имею какие-то совершенно невероятные известия. Штаб русского командования позорно бежал. Das ist ja unerhört![9] (Пауза.) Я обращаюсь через ваше посредство к германскому правительству… со следующим заявлением: Украине угрожает смертельная опасность. Банды Петлюры грозят занять столицу. В случае такого исхода в столице произойдет анархия. Поэтому я прошу германское командование немедленно дать войска для отражения хлынувших сюда банд и восстановления порядка на

Украине, столь дружественной Германии.

Шратт. С зожалени, германски командование не может такое сделайть.

Гетман. Как? Уведомьте, генерал, почему?

Шратт. Physisch unmöglich! Физически невозможно есть. Erstens, во-первых, по нашим сведениям, Петлюра имеет двести тисч войск, великолепно вооружен. А между тем германски командование забирайт дивизии и уводит их в Германии.

Шервинский *(в сторону)*. Мерзавцы!

Шратт. Таким образом, в распоряжении нашим вооружении достаточны сил нет. Zweitens, во-вторых, вся Украина оказывает на стороне Петлюры.

Гетман. Поручик, подчеркните эту фразу в протоколе.

Шервинский. Слушаю-с.

Шратт. Ничего не имейт протиф. Подчеркнить. Таким образом, остановить Петлюру невозможно есть.

Гетман. Значит, меня, армию и правительство германское командование внезапно оставляет на произвол судьбы?

Шратт. Ниэт, ми командированы брать мери к спасению вашей светлости.

Гетман. Какие же меры командование предлагает?

Шратт. Моментальную эвакуацию вашей светлости. Сейчас вагон и nach Германия.

Гетман. Простите, я ничего не понимаю. Как же так?.. Виноват. Может быть, это германское командование эвакуировало князя Белорукова?

Шратт. Точно так.

Гетман. Без согласия со мной? *(Волнуясь.)* Я не согласен. Я заявляю правительству Германии протест против таких действий. У меня есть еще возможность собрать армию в городе и защищать Киев своими средствами. Но ответственность за разрушение столицы ляжет на германское командование. И я думаю, что правительства Англии и Франции…

Шратт. Правительство Англии! Правительство Франции!! Германское правительство ощущает в себе достаточно силы, чтобы не давать разрушение столицы.

Гетман. Это угроза, генерал?

Шратт. Предупреждение, ваша светлость. В распоряжении вашей светлости никаких вооруженных сил нет. Положение катастрофическое…

Дуст *(тихо Шратту)*. Mein General, wir haben gar keine Zeit. Wir müssen…[10]

Шратт. Ja-ja… Ваша светлость, позвольте сказать последнее: мы сейчас перехватали сведения, что конница Петлюры восемь верст от Киева. И завтра утром она войдет…

Гетман. Я узнаю об этом последний!

Шратт. Ваша светлость, вы знаете, что будет с вами случае взятия вас в плен? На вашей светлости есть приговор. Он есть весьма печален.

Гетман. Какой приговор?

Шратт. Прошу извинения у вашей светлости. *(Пауза.)* Повиэсить. *(Пауза.)* Ваша светлость, я попросил бы ответ мгновенно. В моем распоряжении только десять маленьких минут, после этого я раздеваю с себя ответственность за жизнь вашей светлости.

Большая пауза.

Гетман. Я еду!

Шратт. Ах, едете? *(Дусту.)* Будьте любезны, де́ствовать тайно и без всяки шум.

Дуст. О, никакой шум! *(Стреляет из револьвера в потолок два раза.)*

Шервинский растерян.

Гетман *(берясь за револьвер)*. Что это значит?

Шратт. О, будьте спокойны, ваша светлость. *(Скрывается в портьере правой двери.)*

За сценой гул, крики: «Караул, в ружье!» Топот.

Дуст *(открывая среднюю дверь.)* Ruhig![11] Спокойно! Генерал фон Шратт зацепил брюками револьвер, ошибочно попал к себе на голова.

Голоса за сценой: «Гетман! Где гетман?»

Гетман есть очень здоровый. Ваша светлость, любезно высуньтесь… Караул…

Гетман *(в средних дверях)*. Все спокойно, прекратите тревогу.

Дуст *(в дверях)*. Прошу, пропускайте врача с инструментом.

Тревога утихает. Входит **врач** германской армии с ящиком и медицинской сумкой. **Дуст** закрывает среднюю дверь на ключ.

Шратт *(выходя из-за портьеры)*. Ваша светлость, прошу переодеваться в германский униформ, как будто вы есть я, а я есть раненый. Мы вас тайно, вывезем из города, чтобы никто не знал, чтобы не вызвать возмущения, караул.

Гетман. Делайте как хотите.

Звонок по полевому телефону.

Поручик, к аппарату!

Шервинский. Кабинет его светлости… Как?.. Что?.. *(Гетману.)* Ваша светлость, два полка сердюков перешли на сторону Петлюры… На обнаженном участке появилась неприятельская конница. Ваша светлость, что передать?

Гетман. Что передать? Передайте, чтобы задержали конницу ну хотя бы на полчаса! Я же должен уехать! Я дам им бронемашины!

Шервинский *(по телефону)*. Вы слушаете?.. Задержитесь на полчаса хотя бы! Его светлость даст вам бронемашины!

Дуст *(вынимая из ящика германскую форму)*. Ваша светлость! Где угодно?

Гетман. В спальне.

Гетман и **Дуст** уходят направо.

Шервинский *(у авансцены)*. Бежать, что ли? Поедет Елена или не поедет? *(Решительно, Шратту.)* Ваше превосходительство, покорнейше прошу взять меня с гетманом, я его личный адъютант. Кроме того, со мной… моя невеста…

Шратт. С сожалением, поручик, не только ваша невеста, но и вас не могу брать. Если вы хотите ехайть, отправляйтесь станцию наш штабной поезд. Предупреждаю — никаких мест нет, там уж есть личный адъютант.

Шервинский. Кто?

Шратт. Как его… Князь Новожильцев.

Шервинский. Новожильцев! Да когда же он успел?

Шратт. Когда бывает катастрофа, каждый стаёт проворный очень. Он был у нас в штабе сейчас.

Шервинский. И он там, в Берлине, будет при гетмане служить?

Шратт. О ниэт! Гетман будет один. Никакая свита. Мы только довезем до границ тех, кто желает спасать своя шея от ваш мужик, а там каждый как желает.

Шервинский. О, покорнейше благодарю. Я и здесь сумею спасти свою шею…

Шратт. Правильно, поручик. Никогда не следует покидать свой родина. Heimat ist Heimat[12].

Входят **гетман** и **Дуст**. **Гетман** переодет германским генералом. Растерян, курит.

Гетман. Поручик, все бумаги здесь сжечь.

Дуст. Herr Doctor, seien Sie so liebenswürdig…[13] Ваша светлость, садитесь.

Гетмана усаживают. **Врач** забинтовывает ему голову наглухо.

Врач. Fertig[14].

Шратт *(Дусту)*. Машину!

Дуст. Sogleich[15].

Шратт. Ваша светлость, ложитесь.

Гетман. Но ведь нужно объявить об этом народу… Манифест?..

Шратт. Манифест!.. Пожалюй…

Гетман *(глухо)*. Поручик, пишите… Бог не дал мне силы… и я…

Дуст. Манифест… Нет никакой времени манифест… Из поезда телеграммой…

Гетман. Отставить!

Дуст. Ваша светлость, ложитесь.

Гетмана укладывают на носилки. **Шратт** прячется. Среднюю дверь открывают, появляется **лакей**. **Дуст**, **врач** и **лакей** выносят **гетмана** в левую дверь. **Шервинский** помогает до двери, возвращается. Входит **Шратт**.

Шратт. Все в порядке. *(Смотрит на часы-браслет.)* Один час ночи. *(Надевает кепи и плащ.)* До свидания, поручик. Вам советую не засиживаться здесь. Вы можете покойно расходиться. Снимайте погоны. *(Прислушивается.)* Слышите?

Шервинский. Беглый огонь.

Шратт. Именно. Каламбур! «Беглый»! Пропуск на боковой ход имеете?

Шервинский. Так точно.

Шратт. Auf Wiedersehen[16]. Спешите. *(Уходит.)*

Шервинский *(подавлен)*. Чистая немецкая работа. *(Внезапно оживает.)* Нуте-с, времени нету. Нету, нету… нету… *(У стола.)* О, портсигар! Золотой! Гетман забыл. Оставить его здесь? Невозможно, лакеи сопрут. Ого! Фунт, должно быть, весит. Историческая ценность. *(Прячет портсигар в карман.)* Нуте-с… *(За столом.)* Бумаг мы никаких палить не будем, за исключением адъютантского списка. *(Сжигает бумаги.)* Свинья я или не свинья? Нет, я не свинья. *(По телефону.)* 14–53… Да… Дивизион?.. Командира к телефону! Срочно!.. Разбудить! *(Пауза.)* Полковник Турбин?.. Говорит Шервинский. Слушайте, Алексей Васильевич, внимательно: гетман драпу дал… Драпанул!.. Серьезно говорю… Нет, до рассвета есть время… Елене Васильевне передайте, чтобы из дома завтра ни в коем случае не выходила… Я приеду утром прятаться. Прощайте. *(Дает отбой.)* И совесть моя чиста и спокойна… Федор!

Входит **камер-лакей**.

Вестовой привез сверточек?

Лакей. Так точно.

Шервинский. Скорей дайте его сюда!

Лакей выходит, потом возвращается с узлом.

Лакей *(растерян)*. Позвольте узнать, что с их светлостью?

Шервинский. Что это за вопрос? Гетман изволит почивать. И вообще молчите. Вы хороший человек, Федор. В вашем лице есть что-то… этакое… привлекательное… пролетарское…

Лакей. Так-с.

Шервинский. Федор, принесите мне из адъютантской комнаты мое полотенце, бритву и мыло.

Лакей. Слушаю. Газету прикажете?

Шервинский. Совершенно верно. И газету.

Лакей выходит в левую дверь. **Шервинский** в это время надевает штатское пальто и шляпу, снимает шпоры. Свою шашку и шашку Новожильцева увязывает в узел. Появляется **лакей**.

Идет мне эта шляпа?

Лакей. Как же-с. Бритвочку в карман возьмете?

Шервинский. Бритву в карман… Ну-с… Дорогой Федор, позвольте вам на память оставить пятьдесят карбованцев.

Лакей. Покорнейше благодарю.

Шервинский. Позвольте пожать вашу честную трудовую руку. Не удивляйтесь, я демократ по натуре. Федор! Я во дворце никогда не был, адъютантом никогда не служил.

Лакей. Понятно.

Шервинский. Вас не знаю. Вообще я оперный артист…

Лакей. Неужто ходу дал?

Шервинский. Смылся.

Лакей. Ах, прощелыга!

Шервинский. Бандит неописуемый!

Лакей. А нас всех, стало быть, на произвол судьбы?

Шервинский. Вы же видите. Вам-то еще полгоря, а каково мне?

Звонок телефона.

Слушаю… А! Капитан!.. Да! Бросайте все к чертовой матери и бегите… Значит, знаю, что говорю… Шервинский… Всего хорошего. До свидания!.. Дорогой Федор, как ни приятно мне беседовать с вами, но вы сами видите, что у меня времени нет никакого… Федор, пока я у власти, дарю вам этот кабинет. Что вы смотрите? Чудак! Вы сообразите, какое одеяло выйдет из этой портьеры. *(Исчезает.)*

Пауза. Звонок телефона.

Лакей. Слушаю… Чем же я вам могу помочь?.. Знаете что? Бросайте все к чертовой матери и бегите… Федор говорит… Федор!..

Картина вторая

Пустое, мрачное помещение. Надпись: «Штаб 1-й кинной дивизии». Штандарт голубой с желтым. Керосиновый фонарь у входа. Вечер. За окнами изредка стук лошадиных копыт. Тихо наигрывает гармоника знакомые мотивы.

Телефонист *(по телефону)*. Це я, Франько, вновь включився в цепь… В цепь, кажу!.. Слухаете?.. Це штаб кинной дивизии.

Телефон поет сигналы. Шум за сценой. **Ураган** и **Кирпатый** вводят **дезертира-сечевика**. Лицо у него окровавленное.

Болботун. Що такое?

Ураган. Дезертира поймали, пан полковник.

Болботун. Якого полку?

Молчание.

Якого полку, я тебя спрашиваю?

Молчание.

Телефонист. Та це ж я! Я из штабу, Франько, включился в цепь! Це штаб кинной дивизии!.. Слухаете?.. Тьфу ты, черт!..

Болботун. Що ж ты, бога душу твою мать! А? Що ж ты… У то время, як всякий честный казак вийшов на защиту Украиньской республики вид белогвардейцив та жидив-коммунистив, у то время, як всякий хлибороб встал в ряды украиньской армии, ты ховаешься в кусты? А ты знаешь, що роблють з нашими хлиборобами гетманьские офицеры, а там комиссары? Живых у землю зарывают! Чув? Так я ж тебе самого закопаю у могилу! Самого! Сотника Галаньбу!

Голос за сценой: «Сотника требуют к полковнику!» Суета.

Де ж вы его взяли?..

Кирпатый. По-за штабелями, сукин сын, бежав, ховався!..

Болботун. Ах ты зараза, зараза!

Входит **Галаньба**, холоден, черен, с черным штыком.

Допросить, пан сотник, дезертира… Франько, диспозицию! Не ковыряй аппарат!

Телефонист. Зараз, пан полковник, зараз! Що з ним зробишь? «Не ковыряй…»

Галаньба *(с холодным лицом)*. Якого по́лку?

Молчание.

Якого по́лку?

Дезертир *(плача)*. Я не дезертир. Змилуйтесь, пан сотник! Я до лазарету пробырався. У меня

ноги поморожены зовсим.

Телефонист *(по телефону)*. Де же диспозиция?.. Прохаю ласково. Командир кинной дивизии прохае диспозицию… Вы слухаете?.. Что ты будешь робить с этим аппаратом!

Галаньба. Ноги поморожены? А чому же це ты не взяв посвидченья вид штабу своего полка? А? Якого полку? *(Замахивается)*

Слышно, как лошади идут по бревенчатому мосту.

Дезертир. Второго сечевого.

Галаньба. Знаем вас, сечевиков. Вси зрадники. Изменники. Большевики. Скидай сапоги, скидай. И если ты не поморозив ноги, а брешешь, то я тебя тут же расстреляю. Хлопцы! Фонарь!

Телефонист *(по телефону)*. Пришлить нам ординарца для согласования… В Слободку!.. Так! Так!.. Слухаю!.. Грицько! Хай ординарец захватит диспозицию для нашего штабу. Добре?.. Пан полковник, диспозиция зараз буде…

Болботун. Добре…

Галаньба *(вынув маузер)*. И вот тебе условие: ноги здоровые — будешь ты у меня на том свете. Отойдите сзади, чтобы я в кого-нибудь не попал.

Дезертир садится на пол, разувается. Молчание.

Болботун. Це правильно. Щоб другим був пример.

Фонарем освещают **дезертира**.

Кирпатый *(со вздохом)*. Поморожены… Правду казав.

Галаньба. Записку треба було узять. Записку, мразь! А не бежать из полка…

Дезертир. Нема у кого записку взять. У нас ликаря в полку нема. Никого нема. *(Плачет.)*

Галаньба. Взять его под арест! И под арестом до лазарету! Як ему ликарь ногу перевяжет, вернуть его сюды в штаб и дать ему пятнадцать шомполив, щоб вин знав, як без документов бегать с своего полку.

Ураган *(выводя)*. Иди, иди!

За сценой гармоника. Голос поет уныло: «Ой, яблочко, куды котишься, к гайдамакам попадешь — не воротишься…» Тревожные голоса за окном: «Держи их! Держи их! Мимо мосту… Побиглы по льду…»

Галаньба *(в окно)*. Хлопцы, що там? Що?

Голос: «Якись жиды, пан сотник, мимо мосту по льду дали ходу из Слободки».

Хлопцы! Разведка! По коням! По коням! Садись! Садись! Кирпатый! А ну, проскачить за ними! Тильки живыми вызьмить! Живыми!

Болботун. Франько, держи связь!

Телефонист. Держу, пан полковник, во как держу!

Топот за сценой. Появляется **Ураган**, вводит **человека с корзиной**.

Человек с корзиной. Миленькие, я ж ничего. Что вы!.. Я ремесленник…

Галаньба. С чем задержали?

Человек с корзиной. Помилуйте, товарищ военный…

Галаньба. Що? Товарищ? Кто ж тут тебе товарищ?

Человек с корзиной. Виноват, господин военный.

Галаньба. Я тебе не господин. Господа все с гетманом в городе сейчас. И мы твоим господам кишки повыматываем. Хлопец, дай ему, тебе близче. Урежь этому господину по шее. Теперь бачишь, яки господа тут? Видишь?

Человек с корзиной. Вижу.

Галаньба. Осветить его, хлопцы! Мени щесь здается, що вин коммунист.

Человек с корзиной. Что вы! Что вы, помилуйте! Я, изволите ли видеть, сапожник.

Болботун. Що-то ты дуже гарно размовляешь на московской мови.

Человек с корзиной. Калуцкие мы, ваше здоровье. Калужской губернии. Да уж и жизни не рады, что сюда, на Украину к вам заехали. Сапожник я.

Галаньба. Документ.

Человек с корзиной. Паспорт? Сию минуту. Паспорт у меня истый, можно сказать.

Галаньба. С чем корзина? Куда шел?

Человек с корзиной. Сапоги в корзине, ваше… бла… ва… сапожки… с… Мы на магазин работаем. Сами в Слободке живем, а сапоги в город носим.

Галаньба. Почему ночью?

Человек с корзиной. Как раз в самый раз, к утру в городе.

Болботун. Сапоги… Ого-го… це гарно!

Ураган вскрывает корзину.

Человек с корзиной. Виноват, уважаемый гражданин, они не наши, из хозяйского товару.

Болботун. Из хозяйского! Це наикраще. Хозяйский товар — хороший товар. Хлопцы, берите по паре хозяйского товару.

Разбирают сапоги.

Человек с корзиной. Гражданин военный министр! Мне без этих сапог погибать. Прямо форменно, в гроб ложиться! Тут на две тысячи рублей… Это хозяйское…

Болботун. Мы тебе расписку дадим.

Человек с корзиной. Помилуйте, что ж мне расписка? *(Бросается к Болботуну, тот дает ему в ухо. Бросается к Галаньбе.)* Господин кавалерист! На две тысячи рублей. Главное, что если б я буржуй был бы или, скажем, большевик…

Галаньба дает ему в ухо.

(Садится на землю, растерянно.) Что ж это такое делается? А впрочем, берите! Это значит — на снабжение армии?.. Только позвольте и мне парочку за компанию. *(Начинает снимать сапоги.)*

Телефонист. Дивись, пан полковник, что вин робит?

Болботун. Ты що ж, смеешься, гнида? Отойди от корзины. Долго ты будешь крутиться под ногами? Долго? Ну, терпение мое лопнуло. Хлопцы, расступитесь. *(Берется за револьвер.)*

Человек с корзиной. Что вы! Что вы! Что вы!..

Болботун. Геть отсюда!

Человек с корзиной бросается к двери.

Все. Покорно благодарим, пан полковник!

Телефонист (по телефону). Слухаю!.. Слухаю!.. Слава! Слава! Пан полковник! Пан полковник! В штаб пришли ходоки от двух гетьманских сердюкских полкив. Батько веде с ними переговоры о переходе на нашу сторону.

Болботун. Слава! Як ти по́лки будут з нами, то Киев наш.

Телефонист (по телефону). Грицько! А у нас сапоги новые!.. Так… так… Слухаю, слухаю… Слава! Слава, пан полковник, пожалуйте швидче до аппарату.

Болботун *(по телефону)*. Командир першей кинной дивизии полковник Болботун… Я вас слухаю… Так… Так… Выезжаю зараз. *(Галаньбе.)* Пан сотник, прикажите швидче, вси четыре полка на конь! Подступы к городу взяли! Слава! Слава!

Ураган, Кирпатый. Слава! Наступление!

Суета.

Галаньба *(в окно)*. Садись! Садись! По ко́ням!

За окном гул: «Ура!» **Галаньба** убегает.

Болботун. Снимай аппарат! Коня мне!

Телефонист снимает аппарат. Суета.

Ураган. Коня командиру!

Голоса. Перший курень, рысью марш!..

— Другой курень, рысью марш!

За окном топот, свист. Все выбегают со сцены. Потом гармоника гремит, пролетая…

Занавес.

Действие третье

Картина первая

Вестибюль Александровской гимназии. Ружья в козлах. Ящики, пулеметы. Гигантская лестница. Портрет Александра I наверху. В стеклах рассвет. За сценой грохот, дивизион с музыкой проходит по коридорам гимназии.

Николка *(за сценой запевает на нелепый мотив солдатской песни)*.

Дышала ночь восторгом сладострастья,
Неясных дум и трепета полна.

Свист.

Юнкера *(оглушительно поют)*.

Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна.

Свист.

Николка *(поет)*.

Наш уголок я убрала цветами…

Студзинский *(на площадке лестницы)*. Дивизион, стой!

Дивизион за сценой останавливается с грохотом.

Отставить! Капитан!

Мышлаевский. Первая батарея! На месте! Шагом марш!

Дивизион марширует за сценой.

Студзинский. Ножку! Ножку!

Мышлаевский. Ать! Ать! Ать! Первая батарея, стой!

Первый офицер. Вторая батарея, стой!

Дивизион останавливается.

Мышлаевский. Батарея, можете курить! Вольно!

За сценой гул и говор.

Первый офицер *(Мышлаевскому)*. У меня, господин капитан, пятерых во взводе не хватает. По-видимому, ходу дали. Студентики!

Второй офицер. Вообще чепуха свинячья. Ничего не разберешь.

Первый офицер. Что ж командир не едет? В шесть назначено выходить, а сейчас без четверти семь.

Мышлаевский. Тише, поручик, во дворец по телефону вызвали. Сейчас приедет. *(Юнкерам.)* Что, озябли?

Первый юнкер. Так точно, господин капитан, прохладно.

Мышлаевский. Отчего ж вы стоите на месте? Синий, как покойник. Потопчитесь, разомнитесь. После команды «вольно» вы не монумент. Каждый сам себе печка. Пободрей! Эй, второй взвод, в классы парты ломать, печи топить! Живо!

Юнкера *(кричат)*. Братцы, вали в класс!

— Парты ломать, печки топить!

Шум, суета.

Максим *(появляется из каморки, в ужасе)*. Ваше превосходительство, что ж это вы делаете такое? Партами печи топить?! Что ж это за поношение! Мне господином директором велено…

Первый офицер. Явление четырнадцатое…

Мышлаевский. А чем же, старик, печи топить?

Максим. Дровами, батюшка, дровами.

Мышлаевский. А где у тебя дрова?

Максим. У нас дров нету.

Мышлаевский. Ну, катись отсюда, старик, колбасой к чертовой матери! Эй, второй взвод, какого черта?..

Максим. Господи Боже мой, угодники-святители! Что же это делается! Татары, чистые татары. Много войска было… *(Уходит. Кричит за сценой.)* Господа военные, что же это вы делаете!

Юнкера *(ломают парты, пилят их, топят печь. Поют)*.

Буря мглою небо кроет.
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя…

Максим. Эх, кто же так печи растопляет?

Юнкера *(поют)*.

Ах, вы Сашки-канашки мои!..

(Печально.)

Помилуй нас, Боже, в последний раз…

Внезапный близкий разрыв. Пауза. Суета.

Первый офицер. Снаряд.

Мышлаевский. Разрыв где-то близко.

Первый юнкер. Это по нас, господин капитан, пожалуй.

Мышлаевский. Вздор! Петлюра плюнул.

Песня замирает.

Первый офицер. Я думаю, господин капитан, что придется сегодня с Петлюрой повидаться. Интересно, какой он из себя?

Второй офицер *(мрачен)*. Узнаешь, не спеши.

Мышлаевский. Наше дело маленькое. Прикажут — повидаем. *(Юнкерам.)* Юнкера, какого ж вы… Чего скисли? Веселей!

Юнкера *(поют)*.

И когда по белой лестнице
Поведут нас в синий край…

Второй юнкер *(подлетает к Студзинскому)*. Командир дивизиона!

Студзинский. Становись! Дивизион, смирно! Равнение на середину! Господа офицеры! Господа офицеры!

Мышлаевский. Первая батарея, смирно!

Входит **Алексей**.

Алексей *(Студзинскому)*. Список! Скольких нету?

Студзинский *(тихо)*. Двадцати двух человек.

Алексей *(рвет список)*. Наша застава на Демиевке?

Студзинский. Так точно!

Алексей. Вернуть!

Студзинский *(второму юнкеру)*. Вернуть заставу!

Второй юнкер. Слушаю. *(Убегает.)*

Алексей. Приказываю господам офицерам и дивизиону внимательно слушать то, что я им объявлю. Слушать, запоминать. Запомнив, исполнять.

Тишина.

За ночь в нашем положении, в положении всей русской армии, я бы сказал, в государственном положении Украины произошли резкие и внезапные изменения… Поэтому я объявляю вам, что наш дивизион я распускаю.

Мертвая тишина.

Борьба с Петлюрой закончена. Приказываю всем, в том числе и офицерам, немедленно снять с себя погоны, все знаки отличия и немедленно же бежать и скрыться по домам.

Пауза.

Я кончил. Исполнять приказание!

Студзинский. Господин полковник! Алексей Васильевич!

Первый офицер. Господин полковник! Алексей Васильевич!

Второй офицер. Что это значит?

Алексей. Молчать! Не рассуждать! Исполнять приказание! Живо!

Третий офицер. Что это значит, господин полковник? Арестовать его!

Шум.

Юнкера. Арестовать!

— Мы ничего не понимаем!..

— Как — арестовать?!. Что ты, взбесился?!.

— Петлюра ворвался!..

— Вот так штука! Я так и знал!..

— Тише!..

Первый офицер. Что это значит, господин полковник?

Третий офицер. Эй, первый взвод, за мной!

Вбегают растерянные **юнкера** с винтовками.

Николка. Что вы, господа, что вы делаете?

Второй офицер. Арестовать его! Он передался Петлюре!

Третий офицер. Господин полковник, вы арестованы!

Мышлаевский *(удерживая третьего офицера)*. Постойте, поручик!

Третий офицер. Пустите меня, господин капитан, руки прочь! Юнкера, взять его!

Мышлаевский. Юнкера, назад!

Студзинский. Алексей Васильевич, посмотрите, что делается.

Николка. Назад!

Студзинский. Назад, вам говорят! Не слушать младших офицеров!

Первый офицер. Господа, что это?

Второй офицер. Господа!

Суматоха. В руках у **офицеров** револьверы.

Третий офицер. Не слушать старших офицеров!

Первый юнкер. В дивизионе бунт!

Первый офицер. Что вы делаете?

Студзинский. Молчать! Смирно!

Третий офицер. Взять его!

Алексей. Молчать! Я буду еще говорить!

Юнкера. Не о чем разговаривать!

— Не хотим слушать!

— Не хотим слушать!

— Равняйся по командиру второй батареи!

Николка. Дайте ему сказать.

Третий офицер. Тише, юнкера, успокойтесь! Дайте ему высказаться, мы его не выпустим отсюда!

Мышлаевский. Уберите своих юнкеров назад сию секунду.

Первый офицер. Смирно! На месте!

Юнкера. Смирно! Смирно! Смирно!

Алексей. Да… Очень я был бы хорош, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал Господь Бог в вашем лице. Но, господа, то, что простительно юноше-добровольцу, непростительно *(третьему офицеру)* вам, господин поручик! Я думал, что каждый из вас поймет, что случилось несчастье, что у командира вашего язык не поворачивается сообщить позорные вещи. Но вы недогадливы. Кого вы желаете защищать? Ответьте мне.

Молчание.

Отвечать, когда спрашивает командир! Кого?

Третий офицер. Гетмана обещали защищать.

Алексей. Гетмана? Отлично! Сегодня в три часа утра гетман, бросив на произвол судьбы армию, бежал, переодевшись германским офицером, в германском поезде, в Германию. Так что в то время, как поручик собирается защищать гетмана, его давно уже нет. Он благополучно следует в Берлин.

Юнкера. В Берлин?

— О чем он говорит?!

— Не хотим слушать!

Первый юнкер. Господа, да что вы его слушаете?

Студзинский. Молчать!

Гул. В окнах рассвет.

Алексей. Но этого мало. Одновременно с этой канальей бежала по тому же направлению другая каналья — его сиятельство командующий армией князь Белоруков. Так что, друзья мои, не только некого защищать, но даже и командовать нами некому, ибо штаб князя дал ходу вместе с ним.

Гул.

Юнкера. Быть не может!

— Быть не может этого!

— Это ложь!

Алексей. Кто сказал — ложь? Кто сказал — ложь? Я сейчас был в штабе. Я проверил все сведения. Я отвечаю за каждое мое слово!.. Итак, господа! Вот мы, нас двести человек. А там — Петлюра. Да что я говорю — не там, а здесь! Друзья мои, его конница на окраинах города! У него двухсоттысячная армия, а у нас — на месте мы, две-три пехотные дружины и три батареи. Понятно? Тут один из вас вынул револьвер по моему адресу. Он меня безумно напугал. Мальчишка!

Третий офицер. Господин полковник.

Алексей. Молчать! Так вот-с. Если бы вы все сейчас, вот при этих условиях вынесли бы постановление защищать… что? кого?.. одним словом, идти в бой, — я вас не поведу, потому что в балагане я не участвую, тем более что за этот балаган заплатите своей кровью и совершенно бессмысленно вы за все!

Николка. Штабная сволочь!

Гул и рев.

Юнкера. Что нам делать теперь?

— В гроб ложиться!

— Позор!..

— Поди ты к черту!.. Что ты, на митинге?

— Стоять смирно!

— В капкан загнали.

Третий юнкер *(вбегает с плачем)*. Кричали: вперед, вперед, а теперь — назад. Найду гетмана — убью!

Первый офицер. Убрать эту бабу к черту! Юнкера, слушайте: если верно, что говорит этот полковник, — равняйся на меня! Достанем эшелоны — и на Дон, к Деникину!

Юнкера. На Дон! К Деникину!..

— Легкое дело… что ты несешь!

— На Дон — невозможно!..

Студзинский. Алексей Васильевич, верно, надо все бросить и вывезти дивизион на Дон.

Алексей. Капитан Студзинский! Не сметь! Я командую дивизионом! Я буду приказывать, а вы — исполнять! На Дон? Слушайте, вы! Там, на Дону, вы встретите то же самое, если только на Дон проберетесь. Вы встретите тех же генералов и ту же штабную ораву.

Николка. Такую же штабную сволочь!

Алексей. Совершенно правильно. Они вас заставят драться с собственным народом. А когда он вам расколет головы, они убегут за границу… Я знаю, что в Ростове то же самое, что и в Киеве. Там дивизионы без снарядов, там юнкера без сапог, а офицеры сидят в кофейнях. Слушайте меня, друзья мои! Мне, боевому офицеру, поручили вас толкнуть в драку. Было бы за что. Я публично заявляю, что я вас не поведу и не пущу! Я вам говорю: белому движению на Украине конец. Ему конец в Ростове-на-Дону, всюду! Народ не с нами. Он против нас. Значит, кончено! Гроб! Крышка! И вот я, кадровый офицер Алексей Турбин, вынесший войну с германцами, чему свидетелями капитаны Студзинский и Мышлаевский, я на свою совесть и ответственность принимаю все, все принимаю, предупреждаю и, любя вас, посылаю домой. Я кончил.

Рев голосов. Внезапный разрыв.

Срывайте погоны, бросайте винтовки и немедленно по домам!

Юнкера срывают погоны, бросают винтовки.

Мышлаевский *(кричит)*. Тише! Господин полковник, разрешите зажечь здание гимназии?

Алексей. Не разрешаю.

Пушечный удар. Дрогнули стекла.

Мышлаевский. Пулемет!

Студзинский. Юнкера, домой!

Мышлаевский. Юнкера, бей отбой, по домам!

Труба за сценой. **Юнкера** и **офицеры** разбегаются. **Николка** ударяет винтовкой в ящик с выключателями и убегает. Гаснет свет. **Алексей** у печки рвет бумаги, сжигает их. Долгая пауза. Входит **Максим**.

Алексей. Ты кто такой?

Максим. Я сторож здешний.

Алексей. Пошел отсюда вон, убьют тебя здесь.

Максим. Ваше высокоблагородие, куда ж это я отойду? Мне отходить нечего от казенного имущества. В двух классах парты поломали, такого убытку наделали, что я и выразить не могу. А свет… Много войска бывало, а такого — извините…

Алексей. Старик, уйди ты от меня.

Максим. Меня теперь хоть саблей рубите, а я не уйду. Мне что было сказано господином директором…

Алексей. Ну, что тебе сказано господином директором?

Максим. Максим, ты один останешься… Максим, гляди… А вы что же…

Алексей. Ты, старичок, русский язык понимаешь? Убьют тебя. Уйди куда-нибудь в подвал, скройся там, чтоб духу твоего не было.

Максим. Кто отвечать-то будет? Максим за все отвечай. Всякие — за царя и против царя были, были оголтелые, но чтоб парты ломать…

Алексей. Куда списки девались? *(Разбивает шкаф ногой.)*

Максим. Ваше высокопревосходительство, ведь у него ключ есть. Гимназический шкаф, а вы — ножкой. *(Отходит, крестится.)*

Пушечный удар.

Царица небесная… Владычица… Господи Иисусе…

Алексей. Так его! Даешь! Даешь! Концерт! Музыка! Ну, попадешься ты мне когда-нибудь, пан гетман! Гадина!

Мышлаевский появляется наверху. В окна пробивается легонькое зарево.

Максим. Ваше превосходительство, хоть вы ему прикажите. Что ж это такое? Шкаф ногой взломал!

Мышлаевский. Старик, не путайся под ногами. Пошел вон.

Максим. Татары, прямо татары… *(Исчезает.)* Мышлаевский *(издали)*. Алеша! Зажег я цейхгауз! Будет Петлюра шиш иметь вместо шинелей!

Алексей. Ты, Бога ради, не задерживайся. Беги домой.

Мышлаевский. Дело маленькое. Сейчас вкачу еще две бомбы в сено — и ходу. Ты-то чего сидишь?

Алексей. Пока застава не прибежит, не могу.

Мышлаевский. Алеша, надо ли? А?

Алексей. Ну что ты говоришь, капитан!

Мышлаевский. Я тогда с тобой останусь.

Алексей. На что ты мне нужен, Виктор? Я приказываю: к Елене сейчас же! Карауль ее! Я следом за вами. Да что вы, взбесились все, что ли? Будете ли вы слушать или нет?

Мышлаевский. Ладно, Алеша. Бегу к Ленке!

Алексей. Николка, погляди, ушел ли. Гони его в шею, ради Бога.

Мышлаевский. Ладно! Алеша, смотри не рискуй!

Алексей. Учи ученого!

Мышлаевский исчезает.

Серьезно. «Серьезно и весьма»... И когда по белой лестнице... поведут нас в синий край... Застава бы не засыпалась...

Николка *(появляется наверху, крадется)*. Алеша!

Алексей. Ты что же, шутки со мной вздумал шутить, что ли?! Сию минуту домой, снять погоны! Вон!

Николка. Я без тебя, полковник, не пойду.

Алексей. Что?! *(Вынул револьвер.)*

Николка. Стреляй, стреляй в родного брата!

Алексей. Болван.

Николка. Ругай, ругай родного брата. Я знаю, чего ты сидишь! Знаю, ты командир, смерти от позора ждешь, вот что! Ну, так я тебя буду караулить. Ленка меня убьет.

Алексей. Эй, кто-нибудь! Взять юнкера Турбина! Капитан Мышлаевский.

Николка. Все уже ушли.

Алексей. Ну погоди, мерзавец, я с тобой дома поговорю!

Шум и топот. Вбегают **юнкера**, бывшие в заставе.

Юнкера *(пробегая)*. Конница Петлюры следом!..

Алексей. Юнкера! Слушать команду! Подвальным ходом на Подол! Я вас прикрою. Срывайте погоны по дороге!

За сценой приближающийся лихой свист, глухо звучит гармоника: «И шумит, и гудит…»

Бегите, бегите! Я вас прикрою! *(Бросается к окну наверху.)* Беги, я тебя умоляю. Ленку пожалей!

Близкий разрыв снаряда. Стекла лопнули. **Алексей** падает.

Николка. Господин полковник! Алешка! Алешка! Что ты наделал?!

Алексей. Унтер-офицер Турбин, брось геройство к чертям! *(Смолкает.)*

Николка. Господин полковник… этого быть не может! Алеша, поднимись!

Топот и гул. Вбегают **гайдамаки**.

Ураган. Тю! Бач! Бач! Тримай его, хлопцы! Тримай!

Кирпатый стреляет в **Николку**.

Галаньба *(вбегая)*. Живьем! Живьем возьмите его, хлопцы!

Николка отползает вверх по лестнице, оскалился.

Кирпатый. Ишь волчонок! Ах сукино отродье!

Ураган. Не уйдешь! Не уйдешь!

Появляются **гайдамаки**.

Николка. Висельники, не дамся! Не дамся, бандиты! *(Бросается с перил и исчезает.)*

Кирпатый. Ах циркач! *(Стреляет.)* Нема больше никого.

Галаньба. Что ж вы выпустили его, хлопцы? Эх, шляпа!..

Гармоника: «И шумит, и гудит…» За сценой крик. «Слава, Слава!» Трубы за сценой. Болботун, за ним — гайдамаки со штандартами. Знамена плывут вверх по лестнице. Оглушительный марш.

Картина вторая

Квартира Турбиных. Рассвет. Электричества нет. Горит свеча на ломберном столе.

Лариосик. Елена Васильевна, дорогая! Располагайте мной, как вам будет угодно! Хотите, я оденусь и отправлюсь их искать?

Елена. Ах, нет, нет! Что вы, Лариосик! Вас убьют на улице. Будем ждать. Боже мой, еще зарево. Какой ужасный рассвет! Что там делается? Я только хотела бы одно знать: где они?

Лариосик. Боже мой, как ужасна гражданская война!

Елена. Знаете что: я женщина, меня не тронут. Я пойду посмотрю, что делается на улице.

Лариосик. Елена Васильевна, я вас не пущу! Да я… я вас просто не пущу!.. Что мне скажет Алексей Васильевич! Он велел ни в коем случае не выпускать вас на улицу, и я ему дал слово.

Елена. Я близко…

Лариосик. Елена Васильевна!

Елена. Хотя бы узнать, в чем дело…

Лариосик. Я сам пойду…

Елена. Оставьте это… Будем ждать…

Лариосик. Ваш супруг очень хорошо сделал, что отбыл. Это очень мудрый поступок. Он переживет теперь в Берлине эту ужасную кутерьму и вернется.

Елена. Мой супруг? Мой супруг?.. Имени моего супруга больше в доме не упоминайте. Слышите?

Лариосик. Хорошо, Елена Васильевна… Всегда я найду что сказать вовремя… Может быть, вы чаю хотите? Я бы поставил самоварчик…

Елена. Нет, не надо…

Стук.

Лариосик. Постойте, постойте, не открывайте, надо спросить, кто там. Кто там?

Шервинский. Это я! Я… Шервинский…

Елена. Слава Богу! *(Открывает.)* Что это значит? Катастрофа?

Шервинский. Петлюра город взял.

Лариосик. Взял? Боже, какой ужас!

Елена. Где они? В бою?

Шервинский. Не волнуйтесь, Елена Васильевна! Я предупредил Алексея Васильевича несколько часов тому назад. Все обстоит совершенно благополучно.

Елена. Как же все благополучно? А гетман? Войска?

Шервинский. Гетман сегодня ночью бежал.

Елена. Бежал? Бросил армию?

Шервинский. Точно так. И князь Белоруков. *(Снимает пальто.)*

Елена. Подлецы!

Шервинский. Неописуемые прохвосты!

Лариосик. А почему свет не горит?

Шервинский. Обстреляли станцию.

Лариосик. Ай-ай-ай…

Шервинский. Елена Васильевна, можно у вас спрятаться? Сейчас офицеров будут искать.

Елена. Ну конечно!

Шервинский. Елена Васильевна, если бы вы знали, как я счастлив, что вы живы и здоровы.

Стук в дверь.

Ларион, спросите, кто там…

Лариосик. Кто там?

Голос Мышлаевского. Свои, свои…

Лариосик открывает дверь. Входит **Мышлаевский** и **Студзинский**.

Елена. Слава тебе, Господи! А где же Алеша и Николай?

Мышлаевский. Спокойно, спокойно, Лена. Сейчас придут. Не бойся ничего, улицы еще свободны. Их обоих застава проводит. А, этот уже тут? Ну, стало быть, ты все знаешь…

Елена. Спасибо, все. Ну, немцы! Ну, немцы!

Студзинский. Ничего… ничего… когда-нибудь вспомним мы все… Ничего!

Мышлаевский. Здравствуй, Ларион!

Лариосик. Вот, Витенька, какие ужасные происшествия!

Мышлаевский. Да, происшествия первого сорта.

Елена. На кого вы похожи! Идите грейтесь, я вам сейчас самовар поставлю.

Шервинский *(от камина)*. Помочь вам, Лена?

Елена. Не надо. Я сама. *(Убегает.)*

Мышлаевский. Здоровеньки булы, пане личный адъютант. Чому же вы без аксельбантов?.. «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части»… И прослезился. За ноги вашу мамашу!

Шервинский. Что означает этот балаганный тон?

Мышлаевский. Балаган получился, оттого и тон балаганный. Ты ж сулил и государя императора и за здоровье светлости пил. Кстати, где эта светлость теперь, в настоящее время?

Шервинский. Зачем тебе?

Мышлаевский. А вот зачем: если бы мне попалась сейчас эта самая светлость, взял бы я ее за

ноги и хлопал бы головой о мостовую до тех пор, пока не почувствовал бы полного удовлетворения. А вашу штабную ораву в уборной следует утопить!

Шервинский. Господин Мышлаевский, прошу не забываться!

Мышлаевский. Мерзавцы!

Шервинский. Что-о?

Лариосик. Зачем же ссориться

Студзинский. Сию же минуту, как старший, прошу прекратить этот разговор! Совершенно нелепо и ни к чему не ведет! Чего ты, в самом деле, пристал к человеку? Поручик, успокойтесь.

Шервинский. Поведение капитана Мышлаевского в последнее время нестерпимо… И главное — хамство! Я, что ль, виноват в катастрофе? Напротив, я всех вас предупредил. Если бы не я, еще вопрос, сидел бы он сейчас здесь живой или нет!

Студзинский. Совершенно верно, поручик. И мы вам очень признательны.

Елена *(входит)*. Что такое? В чем дело?

Студзинский. Елена Васильевна, вы не волнуйтесь, все будет в полном порядке. Я вам ручаюсь. Идите к себе.

Елена уходит.

Виктор, извинись, ты не имеешь никакого права.

Мышлаевский. Ну, ладно, брось, Леонид! Я погорячился. Ведь такая обида!

Шервинский. Довольно странно. Студзинский. Бросьте, совсем не до этого. *(Садится к огню.)*

Пауза.

Мышлаевский. Где Алеша с Николкой, в самом деле?

Студзинский. Я сам беспокоюсь… Пять минут жду, а после этого пойду навстречу…

Пауза.

Мышлаевский. Что ж, он, значит при тебе ходу дал?

Шервинский. При мне: я был до последней минуты.

Мышлаевский. Замечательное зрелище! Дорого бы дал, чтобы присутствовать при этом! Что же ты не пришиб его как собаку?

Шервинский. Ты бы пошел и сам его пришиб!

Мышлаевский. Пришиб бы, будь спокоен. Что ж, он тебе сказал что-нибудь на прощанье?

Шервинский. Что ж, сказал! Обнял, поблагодарил за верную службу…

Мышлаевский. И прослезился?

Шервинский. Да, прослезился…

Лариосик. Прослезился? Скажите пожалуйста!..

Мышлаевский. Может быть, подарил что-нибудь на прощанье? Например, золотой портсигар с монограммой.

Шервинский. Да, подарил портсигар.

Мышлаевский. Вишь, черт!.. Ты меня извини, Леонид, боюсь, что ты опять рассердишься. Человек ты, в сущности, неплохой, но есть у тебя странности…

Шервинский. Что ты хочешь этим сказать?

Мышлаевский. Да как бы выразиться… Тебе бы писателем быть… Фантазия у тебя богатая… Прослезился… Ну а если бы я сказал: покажи портсигар!

Шервинский молча показывает портсигар.

Убил! Действительно монограмма!

Шервинский. Что нужно сказать, капитан Мышлаевский?

Мышлаевский. Сию минуту. При вас, господа, прошу у него извинения.

Лариосик. Я в жизни не видал такой красоты! Целый фунт, вероятно, весит.

Шервинский. Восемьдесят четыре золотника.

В окно стук.

Господа!..

Встают.

Мышлаевский. Не люблю фокусов… Почему не через дверь?..

Шервинский. Господа… револьверы… лучше выбросить. *(Прячет портсигар за камин.)*

Студзинский и **Мышлаевский** подходят к окну и, осторожно отодвинув штору, выглядывают.

Студзинский. Ах, я себе простить не могу!

Мышлаевский. Что за дьявольщина!

Лариосик. Ах, Боже мой! *(Кидается известить Елену.)* Елена…

Мышлаевский. Куда ты, черт?.. С ума сошел!.. Да разве можно!.. *(Зажимает ему рот)*

Все выбегают. Пауза. Вносят **Николку**.

Ленку, Ленку надо убрать куда-нибудь… Боже мой! Алеша-то где же?.. Убить меня мало!.. Кладите, кладите… прямо на пол…

Студзинский. Лучше бы на диван. Ищи рану, рану ищи!

Шервинский. Голова разбита!..

Студзинский. Кровь в сапоге… Снимайте сапоги…

Шервинский. Давайте перенесем его… туда… Нельзя же на полу, в самом деле…

Студзинский. Лариосик! Живо несите подушку и одеяло. Кладите на диван.

Переносят **Николку** на диван.

Режь сапог!.. Режь сапог!.. У Алексея Васильевича бинты в кабинете.

Шервинский убегает.

Спирт захватите! Господи Боже мой, как он подвернулся? Что такое?.. Где Алексей Васильевич?..

Шервинский прибегает с йодом и бинтами. **Студзинский** бинтует голову **Николке**.

Лариосик. Он умирает?

Николка *(приходя в себя)*. О!

Мышлаевский. С ума сойти! Говори одно только слово: где Алешка?

Студзинский. Где Алексей Васильевич?

Николка. Господа…

Мышлаевский. Что?

Стремительно входит **Елена**.

Леночка, ты не волнуйся. Упал он и головой ударился. Страшного ничего нет.

Елена. Да его ранили! Что ты говоришь?

Николка. Нет, Леночка, нет…

Елена. А где Алексей? Где Алексей? *(Настойчиво.)* Ты же с ним был. Отвечай одно слово: где Алексей?

Мышлаевский. Что же теперь делать-то?

Студзинский *(Мышлаевскому)*. Этого не может быть! Не может!..

Елена. Что же ты молчишь?

Николка. Леночка… Сейчас…

Елена. Не лги! Только не лги!

Мышлаевский делает знак **Николке** — «молчи».

Студзинский. Елена Васильевна…

Шервинский. Лена, что вы…

Елена. Ну, все понятно! Убили Алексея!

Мышлаевский. Что ты, что ты, Лена! С чего ты взяла?

Елена. Ты посмотри на его лицо. Посмотри. Да что мне лицо! Я ведь знала, чувствовала, еще когда он уходил, знала, что так кончится!

Студзинский *(Николке)*. Говорите, что с ним?

Елена. Ларион! Алешу убили…

Шервинский. Дайте воды…

Елена. Ларион! Алешу убили! Вчера вы с ним за столом сидели — помните? А его убили…

Лариосик. Елена Васильевна, миленькая…

Шервинский. Лена, Лена…

Елена. А вы?! Старшие офицеры! Старшие офицеры! Все домой пришли, а командира убили?..

Мышлаевский. Лена, пожалей нас, что ты говоришь?! Мы все исполняли его приказание. Все!

Студзинский. Нет, она совершенно права! Я кругом виноват. Нельзя было его оставить! Я старший офицер, и я свою ошибку поправлю! *(Берет револьвер.)*

Мышлаевский. Куда? Нет, стой! Нет, стой!

Студзинский. Убери руки!

Мышлаевский. Что ж, я один останусь? Ты ни в чем ровно не виноват! Ни в чем! Я его видел последним, предупреждал и все исполнил. Лена!

Студзинский. Капитан Мышлаевский, сию минуту выпустите меня!

Мышлаевский. Отдай револьвер! Шервинский!

Шервинский. Вы не имеете права! Вы что, еще хуже сделать хотите? Вы не имеете права! *(Держит Студзинского.)*

Мышлаевский. Лена, прикажи ему! Все из-за твоих слов. Возьми у него револьвер!

Елена. Я от горя сказала. У меня помутилось в голове. Отдайте револьвер!

Студзинский *(истерически)*. Никто не смеет меня упрекать! Никто! Никто! Все приказания полковника Турбина я исполнил!

Елена. Никто!.. Никто!.. Я обезумела.

Мышлаевский. Николка, говори… Лена, будь мужественна. Мы его найдем… Найдем… Говори начистоту…

Николка. Убили командира…

Елена падает в обморок.

Занавес.

Действие четвертое

Через два месяца. Крещенский сочельник 1919 года. Квартира освещена: **Елена** и **Лариосик** убирают елку.

Лариосик *(на лесенке)*. Я полагаю, что эта звезда… *(Таинственно прислушивается.)*

Елена. Что вы?

Лариосик. Нет, это мне показалось… Елена Васильевна, уверяю вас, это конец. Они возьмут город.

Елена. Не спешите, Лариосик, ничего еще не известно.

Лариосик. Верный признак — стрельбы нет. Откровенно вам признаюсь, Елена Васильевна, за эти последние два месяца мне страшно надоела стрельба. Я не люблю…

Елена. Я разделяю ваш вкус.

Лариосик. Я полагаю, что эта звезда здесь будет очень уместна.

Елена. Слезайте, Лариосик, а то я боюсь, что вы себе голову разобьете.

Лариосик. Ну что вы, Елена Васильевна!.. Елка на ять, как говорит Витенька. Хотел бы я видеть человека, который бы сказал, что елка некрасива! Ах, Елена Васильевна, если бы вы знали!.. Елка напоминает мне невозвратные дни моего детства в Житомире… Огни… Елочка зеленая… *(Пауза.)* Впрочем, здесь мне лучше, гораздо лучше, чем в детстве. Вот отсюда я никуда бы не ушел… Так бы просидел весь век под елкой у ваших ног и никуда бы не ушел…

Елена. Вы бы соскучились. Вы страшный поэт, Ларион.

Лариосик. Нет, уж какой я поэт! Куда там, к чер… Ах, извините, Елена Васильевна!

Елена. Прочтите, прочтите что-нибудь новенькое. Ну прочтите. Мне очень нравятся ваши стихи. Вы очень способный.

Лариосик. Вы искренно говорите?

Елена. Совершенно искренно.

Лариосик. Ну хорошо… Я прочту… Я прочту… Посвящается… Ну, одним словом, посвящается… Нет, не буду я вам читать стихи.

Елена. Почему?

Лариосик. Нет, зачем?..

Елена. А кому посвящается?

Лариосик. Одной женщине.

Елена. Секрет?

Лариосик. Секрет. Вам.

Елена. Спасибо вам, милый.

Лариосик. Что мне спасибо?.. Из спасибо шинели не сошьешь… Ой, извините, Елена Васильевна, это я от Мышлаевского заразился. Вы знаете, такие выражения вырываются…

Елена. Я вижу. По-моему, вы в Мышлаевского влюблены.

Лариосик. Нет. Я в вас влюблен.

Елена. Не надо в меня влюбляться, Ларион, не надо.

Лариосик. Знаете что? Выйдите за меня замуж.

Елена. Вы трогательный человек. Только это невозможно.

Лариосик. Он не вернется!.. А как же вы будете одна? Одна, без поддержки, без участия. Ну, правда, я поддержка довольно парши… слабая, зато я вас очень буду любить. Всю жизнь. Вы — мой идеал. Он не приедет. Теперь в особенности, когда наступают большевики… Он не вернется!

Елена. Он не вернется. Но не в этом дело. Если бы он даже и вернулся, все равно моя жизнь с ним кончена.

Лариосик. Его отрезали… Я не мог смотреть на вас, когда он уехал. У меня сердце кровью обливалось. Ведь на вас было страшно смотреть, ей-богу…

Елена. Разве я такая плохая была?

Лариосик. Ужас! Кошмар! Худая-прехудая… Лицо — желтое-прежелтое…

Елена. Что вы выдумываете, Ларион!

Лариосик. Ой… действительно, черт-те что… Но теперь вы лучше, гораздо лучше… Вы теперь румяная-прерумяная…

Елена. Вы, Лариосик, неподражаемый человек. Идите ко мне, я вас в лоб поцелую.

Лариосик. В лоб? Ну, в лоб — так в лоб!

Елена целует его в лоб.

Конечно, разве можно меня полюбить!

Елена. Очень даже можно. Только у меня есть роман.

Лариосик. Что? Роман! У кого? У вас? У вас роман? Не может быть!

Елена. Разве уж я не гожусь?

Лариосик. Вы — святая! Вы… А кто он? Я его знаю?

Елена. И очень хорошо.

Лариосик. Очень хорошо знаю?.. Стойте… Кто же? Стойте, стойте, стойте!.. Молодой человек… вы ничего не видали… Ходи с короля, а дам не трогай… А я думал, что это сон. Проклятый счастливец!

Елена. Лариосик! Это нескромно!

Лариосик. Я ухожу… Я ухожу…

Елена. Куда, куда?

Лариосик. Пойду к армянину за водкой и напьюсь до бесчувствия…

Елена. Так я вам и позволила… Ларион, я буду вам другом.

Лариосик. Читал, читал в романах… Как «другом буду» — значит кончено, крышка! Конец! *(Надевает пальто.)*

Елена. Лариосик! Возвращайтесь скорее! Скоро гости придут!

Лариосик, открыв дверь, сталкивается в передней с входящим **Шервинским**. Тот в мерзкой шляпе и изодранном пальто, в синих очках.

Шервинский. Здравствуйте, Елена Васильевна! Здравствуйте, Ларион!

Лариосик. А… здравствуйте… здравствуйте. *(Исчезает.)*

Елена. Бог мой! На кого вы похожи!

Шервинский. Ну, спасибо, Елена Васильевна. Я уж попробовал! Сегодня еду на извозчике, а уже какие-то пролетарии по тротуарам так и шныряют, так и шныряют. И один говорит таким ласковым голоском: «Ишь, украинский барин! Погоди, говорит, до завтра. Завтра мы вас с извозчиков поснимаем!» У меня глаз опытный. Я, как на него посмотрел, сразу понял, что надо ехать домой и переодеваться. Поздравляю вас, — Петлюре крышка!

Елена. Что вы говорите?!

Шервинский. Сегодня ночью красные будут. Стало быть, Советская власть и тому подобное!

Елена. Чему ж вы радуетесь? Можно подумать, что вы сами большевик!

Шервинский. Я сочувствующий! А пальтишко я у дворника напрокат взял. Это — беспартийное пальтишко.

Елена. Сию минуту извольте снять эту гадость!

Шервинский. Слушаю-с! *(Снимает пальто, шляпу, калоши, очки, остается в великолепном*

фрачном костюме.) Вот, поздравьте, только что с дебюта. Пел и принят.

Елена. Поздравляю вас.

Шервинский. Лена, никого дома нет? Как Николка?

Елена. Спит…

Шервинский. Лена, Лена…

Елена. Пустите… Постойте, зачем же вы сбрили баки?

Шервинский. Гримироваться удобнее.

Елена. Большевиком вам так удобнее гримироваться. У, хитрое, малодушное создание! Не бойтесь, никто вас не тронет.

Шервинский. Ну пусть попробуют тронуть человека, у которого две полные октавы в голосе да еще две ноты наверху!.. Леночка! Можно объясниться?

Елена. Объяснитесь.

Шервинский. Лена! Вот все кончилось… Николка выздоравливает… Петлюру выгоняют… Я дебютировал… Теперь начинается новая жизнь. Больше томиться нам невозможно. Он не приедет. Его отрезали, Лена! Я не плохой, ей-богу!.. Я не плохой. Ты посмотри на себя. Ты одна. Ты чахнешь…

Елена. Ты исправишься?

Шервинский. А от чего мне, Леночка, исправляться?

Елена. Леонид, я стану вашей женой, если вы изменитесь. И прежде всего перестанете лгать!

Шервинский. Неужели я такой лгун, Леночка?

Елена. Вы не лгун, а Бог тебя знает, какой-то пустой, как орех… Что такое?! Государя императора в портьере видел. И прослезился… И ничего подобного не было. Эта длинная — меццо-сопрано, а оказывается, она — просто продавщица в кофейне Семадени…

Шервинский. Леночка, она очень недолго служила, пока без ангажемента была.

Елена. У нее, кажется, был ангажемент!

Шервинский. Лена! Клянусь памятью покойной мамы, а также и папы — у нас ничего не было. Я ведь сирота.

Елена. Мне все равно. Мне неинтересны ваши грязные тайны. Важно другое: чтобы ты перестал хвастать и лгать. Единственный раз сказал правду, когда говорил про портсигар, и то никто не поверил, доказательство пришлось предъявлять. Фу!.. Срам… Срам…

Шервинский. Про портсигар я именно все наврал. Гетман мне его не дарил, не обнимал и не прослезился. Просто он его на столе забыл, а я спрятал.

Елена. Стащил со стола?

Шервинский. Спрятал. Это историческая ценность.

Елена. Боже мой, этого еще недоставало! Дайте его сюда! *(Отбирает портсигар и прячет.)*

Шервинский. Леночка, папиросы там — мои.

Елена. Счастлив ваш Бог, что вы догадались мне об этом сказать. А если бы я сама об этом узнала?..

Шервинский. А как бы вы об этом узнали?

Елена. Дикарь!

Шервинский. Вовсе нет. Леночка, я страшно изменился. Сам себя не узнаю, честное слово! Катастрофа на меня подействовала или смерть Алеши… Я теперь иной. А материально ты не беспокойся, Ленушка, я ведь — ого-го… Сегодня на дебюте спел, а директор мне говорит: «Вы, говорит, Леонид Юрьевич, изумительные надежды подаете. Вам бы, говорит, надо ехать в Москву, в Большой театр…» Подошел ко мне, обнял меня и…

Елена. И что?

Шервинский. И ничего… Пошел по коридору…

Елена. Неисправим!

Шервинский. Лена!

Елена. Что ж мы будем делать с Тальбергом?

Шервинский. Развод. Развод. Ты адрес его знаешь? Телеграмму ему и письмо о том, что все кончено! Кончено!

Елена. Ну хорошо! Скучно мне и одиноко. Тоскливо. Хорошо! Я согласна!

Шервинский. Ты победил, Галилеянин![17] Лена! *(Поет.)* И будешь ты царицей ми-и-и-ра… «Соль» чистое! *(Указывает на портрет Тальберга.)* Я требую выбросить его вон! Я его видеть не могу!

Елена. Ого, какой тон!

Шервинский *(ласково)*. Я его, Леночка, видеть не могу. *(Выламывает портрет из рамы и бросает его в камин.)* Крыса! И совесть моя чиста и спокойна!

Елена. Тебе жабо очень пойдет… Красив ты, что говорить!..

Шервинский. Мы не пропадем…

Елена. О, за тебя-то я не боюсь!.. Ты не пропадешь!

Шервинский. Лена, идем к тебе… Я спою, ты проаккомпанируешь… Ведь мы два месяца не виделись. Все на людях да на людях.

Елена. Да ведь придут сейчас.

Шервинский. А мы тогда вернемся обратно.

Уходят, закрывают дверь. Слышен рояль. **Шервинский** великолепным голосом поет эпиталаму из «Нерона».

Николка *(входит, в черной шапочке, на костылях. Бледен и слаб. В студенческой тужурке)*. А!.. Репетируют!.. *(Видит раму портрета.)* А!.. Вышибли. Понимаю... Я давно догадывался. *(Ложится на диван.)*

Лариосик *(появляется в передней)*. Николаша! Встал? Один? Подожди, сейчас подушку тебе принесу. *(Приносит подушку Николке.)*

Николка. Не беспокойся, Ларион, не нужно. Спасибо. Видно, Ларион, я так калекой и останусь.

Лариосик. Ну что ты, что ты, Николаша, как тебе не стыдно!

Николка. Слушай, Ларион, что их-то еще нету?

Лариосик. Нет еще, но скоро будут. Ты знаешь, иду сейчас по улице — обозы, обозы, и на них эти, с хвостами. Видно, здорово поколотили их большевики.

Николка. Так им и надо!

Лариосик. Но тем не менее я водочки достал! Единственный раз в жизни мне повезло! Думал, ни за что не достану. Такой уж я человек! Погода была великолепная, когда я выходил. Небо ясно, звезды блещут, пушки не стреляют... Все обстоит в природе благополучно. Но стоит мне показаться на улице — обязательно пойдет снег. И действительно, вышел — и мокрый снег летит в самое лицо. Но бутылочку достал! Пусть знает Мышлаевский, на что я способен. Два раза упал, затылком трахнулся, но бутылку держал в руках.

Голос **Шервинского**. «Ты любовь благословляешь...»

Николка. Смотри, видишь?.. Потрясающая новость! Елена расходится с мужем. Она за Шервинского выйдет.

Лариосик *(роняет бутылку)*. Уже?

Николка. Э, Лариосик, э-э!.. Что ты, Ларион, что ты?.. А-а... понимаю! Тоже врезался?

Лариосик. Никол, когда речь идет о Елене Васильевне, такие слова, как «врезался», неуместны. Понял? Она золотая!

Николка. Рыжая она, Ларион, рыжая. Прямо несчастье, Оттого всем и нравится, что рыжая. Как кто увидит, сейчас букеты начинает таскать. Так что у нас все время в квартире букеты, как веники, стояли. А Тальберг злился. Ну, ты осколки собирай, а то сейчас Мышлаевский явится, он тебя убьет.

Лариосик. Ты ему не говори. *(Собирает осколки.)*

Звонок. **Лариосик** впускает **Мышлаевского** и **Студзинского**. Оба в штатском.

Мышлаевский. Красные разбили Петлюру! Войска Петлюры город оставляют!

Студзинский. Да-да! Красные уже в слободке. Через полчаса будут здесь.

Мышлаевский. Завтра, таким образом, здесь получится советская республика... Позвольте, водкой пахнет! Кто пил водку раньше времени? Сознавайтесь! Что ж это делается в этом богоспасаемом доме?!.. Вы водкой полы моете?! Я знаю, чья это работа! Что ты все бьешь?! Что ты все бьешь! Это в полном смысле слова золотые руки! К чему ни притронется — бац, осколки! Ну если уж у тебя такой зуд — бей сервизы!

За сценой все время рояль.

Лариосик. Какое ты имеешь право делать мне замечания! Я не желаю!

Мышлаевский. Что это на меня все кричат! Скоро бить начнут! Впрочем, я сегодня добрый почему-то. Мир, Ларион, я на тебя не сержусь.

Николка. А почему стрельбы нет?

Мышлаевский. Тихо, вежливо идут. И без всякого боя!

Лариосик. А главное, удивительнее всего, что все радуются, даже буржуи недорезанные. До того всем Петлюра надоел!

Николка. Интересно, как большевики выглядят?

Мышлаевский. Увидишь, увидишь.

Лариосик. Капитан, ваше мнение?

Студзинский. Не знаю, ничего не понимаю теперь. Лучше всего нам подняться и уйти вслед за Петлюрой. Как мы, белогвардейцы, уживемся с большевиками, не представляю себе!

Мышлаевский. Куда за Петлюрой?

Студзинский. Пристроиться к какому-нибудь обозу и уйти в Галицию.

Мышлаевский. А потом куда?

Студзинский. А там на Дон, к Деникину, и биться с большевиками.

Мышлаевский. Опять, значит, к генералам под команду? Это очень остроумный план. Жаль, что лежит Алешка в земле, а то бы он много интересного мог рассказать про генералов. Но жаль, успокоился командир.

Студзинский. Не терзай мою душу, не вспоминай.

Мышлаевский. Нет, позвольте, его нет, позвольте, я поговорю... Опять в армию, опять биться?.. И прослезился?.. Спасибо, спасибо, я уже смеялся. В особенности когда Алешу повидал в анатомическом театре.

Николка заплакал.

Лариосик. Николаша, Николаша, что ты, погоди!

Мышлаевский. Довольно! Я воюю с девятьсот четырнадцатого года. За что? За отечество? А

это отечество, когда бросили меня на позор?!.. И я опять иди к этим светлостям?! Ну нет. Видали? *(Показывает шиш.)* Шиш!

Студзинский. Изъясняйся, пожалуйста, словами.

Мышлаевский. Я сейчас изъяснюсь, будьте благонадежны. Что я, идиот, в самом деле? Нет, я, Виктор Мышлаевский, заявляю, что больше я с этими мерзавцами генералами дела не имею. Я кончил!

Лариосик. Виктор Мышлаевский большевиком стал.

Мышлаевский. Да, ежели угодно, я за большевиков!

Студзинский. Виктор, что ты говоришь?

Мышлаевский. Я за большевиков, но только против коммунистов.

Студзинский. Это смешно. Надо понимать, о чем ты говоришь.

Лариосик. Позволь тебе сказать, что это одно и то же: большевизм и коммунизм.

Мышлаевский *(передразнивая)*. «Большевизм и коммунизм». Ну, тогда и за коммунистов…

Студзинский. Слушай, капитан, ты упомянул слово «отечество». Какое же отечество, когда большевики? Россия кончена. Вот помнишь, командир говорил, и командир был прав: вот они, большевики!..

Мышлаевский. Большевики?.. Великолепно! Очень рад!

Студзинский. Да ведь они тебя мобилизуют.

Мышлаевский. И пойду, и буду служить. Да!

Студзинский. Почему?!

Мышлаевский. А вот почему! Потому! Потому что у Петлюры, вы говорили, сколько? Двести тысяч! Вот эти двести тысяч пятки салом подмазали и дуют при одном слове «большевики». Видал? Чисто! Потому что за большевиками мужички тучей… А я им всем что могу противопоставить? Рейтузы с кантом? А они этого канта видеть не могут… Сейчас же за пулеметы берутся. Не угодно ли… Спереди красногвардейцы, как стена, сзади спекулянты и всякая рвань с гетманом, а я посередине? Слуга покорный! Нет, мне надоело изображать навоз в проруби. Пусть мобилизуют! По крайней мере буду знать, что я буду служить в русской армии. Народ не с нами. Народ против нас. Алешка был прав!

Студзинский. Да какая же, к черту, русская армия, когда они Россию прикончили?! Да они нас все равно расстреляют!

Мышлаевский. И отлично сделают! Заберут в Чека, обложат и выведут в расход. И им спокойнее, и нам…

Студзинский. Я с ними буду биться!

Мышлаевский. Пожалуйста, надевай шинель! Валяй! Дуй!.. Шпарь к большевикам, кричи им: не пущу! Николку с лестницы уже сбросили раз! Голову видал? А тебе ее и вовсе оторвут. И

правильно — не лезь. Теперь пошли дела не наши!

Лариосик. Я против ужасов гражданской войны. В сущности, зачем проливать кровь?

Мышлаевский. Ты на войне был?

Лариосик. У меня, Витенька, белый билет. Слабые легкие. И, кроме того, я единственный сын у моей мамы.

Мышлаевский. Правильно, товарищ белобилетник.

Студзинский. Была у нас Россия — великая держава[18]!..

Мышлаевский. И будет!.. Будет!

Студзинский. Да, будет, будет — ждите!

Мышлаевский. Прежней не будет, новая будет. Новая! А ты вот что мне скажи. Когда вас расхлопают на Дону — а что вас расхлопают, я вам предсказываю, — и когда ваш Деникин даст деру за границу — а я вам это тоже предсказываю, — тогда куда?

Студзинский. Тоже за границу.

Мышлаевский. Нужны вы там, как пушке третье колесо! Куда ни приедете, в харю наплюют от Сингапура до Парижа. Я не поеду, буду здесь в России. И будь с ней что будет!.. Ну и кончено, довольно, я закрываю собрание.

Студзинский. Я вижу, что я одинок.

Шервинский *(вбегает)*. Подождите, подождите, не закрывайте собрания. Я имею внеочередное заявление. Елена Васильевна Тальберг разводится с мужем своим, бывшим полковником генерального штаба Тальбергом, и выходит... *(Кланяется, указывая рукой на себя.)*

Входит **Елена**.

Лариосик. А!..

Мышлаевский. Брось, Ларион, куда нам с суконным рылом в калашный ряд. Лена ясная, позволь, я тебя обниму и поцелую.

Студзинский. Поздравляю вас, Елена Васильевна.

Мышлаевский *(идет за Лариосиком, убежавшим в переднюю)*. Ларион, поздравь — неудобно! Потом опять сюда придешь.

Лариосик *(Елене)*. Поздравляю вас и желаю вам счастья. *(Шервинскому.)* Поздравляю вас... поздравляю.

Мышлаевский. Но ты молодец, молодец! Ведь какая женщина! По-английски говорит, на фортепьянах играет, а в то же время самоварчик может поставить. Я сам бы на тебе, Лена, с удовольствием женился.

Елена. Я бы за тебя, Витенька, не вышла.

Мышлаевский. Ну и не надо. Я тебя и так люблю. А сам я по преимуществу человек холостой и военный. Люблю, чтобы дома было уютно, без женщин и детей, как в казарме… Ларион, наливай! Поздравить надо!

Шервинский. Погодите, господа! Не пейте это вино! Я вам сейчас принесу. Вы знаете, какое это вино! Ого-го-го!.. *(Взглянул на Елену, увял.)* Ну так, среднее винишко. Обыкновенное Абрау-Дюрсо.

Мышлаевский. Лена, твоя работа! Женись, Шервинский… ты совершенно здоров! Ну, поздравляю вас и желаю вам…

Дверь в переднюю открывается, входит **Тальберг** в штатском пальто, с чемоданом.

Студзинский. Господа! Владимир Робертович… Владимир Робертович…

Тальберг. Мое почтение.

Мертвая пауза.

Мышлаевский. Это номер!

Тальберг. Здравствуй, Лена! Вы как будто удивлены?

Пауза.

Немного странно! Казалось бы, я мог больше удивляться, застав на своей половине столь веселую компанию в столь трудное время. Здравствуй, Лена. Что это значит?

Шервинский. А вот что…

Елена. Погоди… Господа, выйдите все на минутку, оставьте нас вдвоем с Владимиром Робертовичем.

Шервинский. Лена, я не хочу!

Мышлаевский. Постой, постой… Все уладим. Соблюдай спокойствие… Нам выкатываться, Леночка?

Елена. Да.

Мышлаевский. Я знаю, ты умница. В случае чего кликни меня. Персонально. Ну что ж, господа, покурим, пойдем к Лариону. Ларион, забирай подушку, и идем.

Все уходят, причем **Лариосик** почему-то на цыпочках.

Елена. Прошу вас.

Тальберг. Что это все значит? Прошу объяснить.

Пауза.

Что за шутки? Где Алексей?

Елена. Алексея убили.

Тальберг. Не может быть!.. Когда?

Елена. Два месяца тому назад, через два дня после вашего отъезда.

Тальберг. Ах, Боже мой, это ужасно! Но ведь я же предупреждал. Ты помнишь?

Елена. Да, помню. А Николка — калека.

Тальберг. Конечно, все это ужасно… Но ведь я же не виноват во всей этой истории… И согласись, это никак не причина для устройства такой, я бы сказал, глупой демонстрации.

Пауза.

Елена. Скажите, как же вы вернулись? Ведь сегодня большевики уже будут…

Тальберг. Я прекрасно в курсе дела. Гетманщина оказалась глупой опереткой. Немцы нас обманули. Но в Берлине мне удалось достать командировку на Дон, к генералу Краснову. Киев надо бросить немедленно… времени нету… Я за тобой.

Елена. Я, видите ли, с вами развожусь и выхожу замуж за Шервинского.

Тальберг *(после долгой паузы)*. Хорошо! Очень хорошо! Воспользоваться моим отсутствием для устройства пошлого романа…

Елена. Виктор!..

Входит **Мышлаевский**.

Мышлаевский. Лена, ты меня уполномачиваешь объясниться?

Елена. Да! *(Уходит.)*

Мышлаевский. Понял. *(Подходит к Тальбергу.)* Ну? Вон!.. *(Ударяет его.)*

Тальберг растерян. Идет в переднюю, уходит.

Мышлаевский. Лена! Персонально!

Входит **Елена**.

Уехал. Дает развод. Очень мило поговорили.

Елена. Спасибо, Виктор! *(Целует его и убегает.)*

Мышлаевский. Ларион!

Лариосик *(входит)*. Уже уехал?

Мышлаевский. Уехал!

Лариосик. Ты гений, Витенька!

Мышлаевский. «Я гений — Игорь Северянин».[19] Туши свет, зажигай елку и сыграй какой-нибудь марш.

Лариосик тушит свет в комнате, освещает елку электрическими лампочками, выбегает в соседнюю комнату. Марш.

Господа, прошу!

Входят **Шервинский**, **Студзинский**, **Николка** и **Елена**.

Студзинский. Очень красиво! И как стало сразу уютно!

Мышлаевский. Ларионова работа. Ну, теперь позвольте вас поздравить по-настоящему. Ларион, довольно!

Входит **Лариосик** с гитарой, передает ее **Николке**.

Поздравляю тебя, Лена ясная, раз и навсегда. Забудь обо всем. И вообще — ваше здоровье! *(Пьет.)*

Николка *(трогает струны гитары, поет)*.

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль на радость соседей-врагов
Могильной засыплюсь землею?
Так громче, музыка, играй победу,
Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!

Мышлаевский *(поет)*.

Так за Совет Народных Комиссаров…

Все, кроме **Студзинского**, подхватывают:

«Мы грянем громкое „Ура! Ура! Ура!“».

Студзинский. Ну, это черт знает что!.. Как вам не стыдно!

Николка *(запевает)*.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник…

Лариосик. Замечательно!.. Огни… елочка…

Мышлаевский. Ларион! Скажи нам речь!

Николка. Правильно, речь!..

Лариосик. Я, господа, право, не умею! И, кроме того, я очень застенчив.

Мышлаевский. Ларион говорит речь!

Лариосик. Что ж, если обществу угодно, я скажу. Только прошу извинить: ведь я не готовился. Господа! Мы встретились в самое трудное и страшное время, и все мы пережили очень, очень много… и я в том числе. Я пережил жизненную драму… И мой утлый корабль долго трепало по

волнам гражданской войны…

Мышлаевский. Как хорошо про корабль…

Лариосик. Да, корабль… Пока его не прибило в эту гавань с кремовыми шторами, к людям, которые мне так понравились… Впрочем, и у них я застал драму… Ну, не стоит говорить о печалях. Время повернулось. Вот сгинул Петлюра… Все живы… да… мы все снова вместе… И даже больше того: вот Елена Васильевна, она тоже пережила очень и очень много и заслуживает счастья, потому что она замечательная женщина. И мне хочется сказать ей словами писателя: «Мы отдохнем, мы отдохнем…»[20]

Далекие пушечные удары.

Мышлаевский. Так-с!.. Отдохнули!.. Пять… шесть… Девять!..

Елена. Неужто бой опять?

Шервинский. Нет. Это салют!

Мышлаевский. Совершенно верно: шестидюймовая батарея салютует.

За сценой издалека, все приближаясь, оркестр играет «Интернационал».

Господа, слышите? Это красные идут!

Все идут к окну.

Николка. Господа, сегодняшний вечер — великий пролог к новой исторической пьесе.

Студзинский. Кому пролог, а кому — эпилог.

[1] 5 октября 1926 года — премьера в МХАТе. Постановка И. Судакова под руководством К. С. Станиславского при участии М. А. Булгакова. Вспоминая работу под постановкой и участие в ней М. А. Булгакова, Станиславский писал: «Вот из него может выйти режиссер. Он не только литератор, но он и актер. Сужу по тому, как он показывал актерам на репетициях „Дней Турбиных“. Собственно — он поставил их, по крайней мере, дал те блестки, которые сверкали и создавали успех спектаклю» (Собрание сочинений, т. 8, с. 269)

Роли исполняли: Алексей Турбин — Н. Хмелев, Николка — И. Кудрявцев, Елена Тольберг — В. Соколова, Тальберг — Вербицкий, Мышлаевский — Б. Добронравов, Шервинский — М. Прудкин, Студзинский — Е. Калужский, Лариосик — М. Яншин, Гетман «всея Украины» — В. Ершов и др. Оформление спектакля — Н. Ульянов.

Спектакль имел феноменальный успех. «„Дни Турбиных“ за период с 1926 по 1941 год выдержали 987 представлений, — писал К. Рудницкий в примечаниях к книге: Михаил Булгаков. Пьесы, М, 1961. — С большим успехом играли в этом спектакле также А. Тарасова в роли Елены Тальберг, В. Топорков в роли Мышлаевского, В. Вербицкий и А. Кторов в роли Шервинского. Декорации спектакля погибли в Минске в июне 1941 года, в первые дни Великой Отечественной войны… В 1954 году М. Яншин в Государственном драматическом театре имени Станиславского поставил „Дни Турбиных“, сохранив в основном режиссерское решение спектакля МХАТ» (с.467–468).

С тех пор пьеса была поставлена во многих театрах у нас и за рубежом.

Литературная судьба пьесы не столь оптимистична. Рукопись пьесы не сохранилась. Елена Сергеевна Булгакова не раз предпринимала попытки опубликовать пьесу. Но лишь в 1955 году издательство «Искусство» решилось на ее издание. С благословения, естественно, Е. С. Булгаковой для публикации был взят сценический вариант «Дней Турбиных», тот, что сейчас некоторые исследователи называют «суфлерским». Именно этот вариант пьесы «для нового поколения Художественного театра» стал «новой „Чайкой“», как писал в 1934 году В. Сахновский. Именно на этот вариант обрушилась почти вся современная Булгакову критика, обвиняя его в апологии белогвардейцев. Именно этот вариант «Дней Турбиных» держали в своем сердце несколько поколений театральных зрителей в России и за рубежом.

Вот почему Е. С. Булгакова согласилась опубликовать именно этот сценический вариант пьесы в 1955 году, затем при ней же — в 1962-м, 1965-м. Этот же вариант пьесы предложила опубликовать Любовь Евгеньевна Белозерская, составительница книги Михаила Булгакова «Пьесы», вышедшей в издательстве «Советский писатель» в 1986 году.

И, публикуя «машинописный список» «Дней Турбиных» 1940 года, составители первого собрания сочинений М. А. Булгакова нарушают прижизненную волю автора и его душеприказчицы — Е. С. Булгаковой. Тем более что «Дни Турбиных», по мнению русских и зарубежных исследователей и публикаторов, выдержали испытание временем.

Другое дело, что действительно «восстановление авторского текста „Дней Турбиных“ — задача едва ли осуществимая». (См.: М. А. Булгаков. Собрание сочинений в пяти томах, М., 1990, т. 3, с. 619.) Невозможно с этим не согласиться, особенно после того, как познакомишься с наиболее научно обоснованной публикацией пьесы в книге: М.А. Булгаков. Пьесы 1920-х годов. Искусство, Ленинградское отделение, 1989 г. Составители этой книги, серьезной и глубокой, тоже взяли для публикации пьесы «машинописный текст 1940 года». Но в этот текст публикаторы внесли целый ряд изменений, пусть небольших, несущественных, на их взгляд, но тем не менее и такое вмешательство недопустимо «Допущены лишь небольшие отступления» (с. 533).

И после этого вмешательства в авторский текст публикаторы заявляют «Принцип „последней воли автора“ (сам по себе не бесспорный) соблюден нами в данном издании точно, публикуется текст, подготовленный, очевидно, автором собственноручно и оставшийся после него» (ук. издание, с. 533).

Высказанное мнение нуждается в серьезном и глубоком изучении, к которому необходимо привлечь наших известных текстологов.

Пока ясно одно, что «Дни Турбиных» не нуждаются в какой-либо реконструкции, даже «небольшие отступления» от сценического варианта пьесы, блестяще выдержавшей испытание временем, повторяю, являются нарушением авторской воли. Ведь широко известно, что Булгаков не соглашался ни на какие исправления, если они были против его авторской воли, а если соглашался на исправления, то, значит, допускал, что эти исправления вполне возможны. Так было и с пьесой «Дни Турбиных».

Публикуется по тексту первых публикаций в издательстве «Искусство» 1955, 1962, 1965 и 1986 гг., по расклейке книги: Михаил Булгаков. Белая гвардия. М., Современник, 1990 г.

[2] Боккерини Луиджи (1743–1805) — итальянский композитор и виолончелист. Способствовал развитию камерно-инструментальных жанров и симфонии (См. Энциклопедический словарь, с.154)

[3] «Кто уходит на охоту, теряет свое место» (*фр.*). Здесь и в дальнейшем перевод сделан авторам.

[4] Скажи мне, кудесник, любимец богов — солдатская песня времен Первой мировой войны, была широко распространена в белогвардейской среде во время гражданской войны из-за припева, который каждый раз повторялся после пушкинских куплетов.

Так громче, музыка, играй победу,
Мы победили, и враг бежит,
Так за царя, за Русь, за нашу веру
Мы грянем громкое Ура! Ура! Ура!

В недалеком прошлом, особенно в 60—80-е годы, эта песня была широко распространена в оппозиционных кругах русской интеллигенции. Безграмотные доносчики жаловались в ЦК КПСС, что такие-то и такие-то поют открыто царский гимн, запрещенный с 1917 года. При этом в качестве иллюстративного материала приносили и магнитофонную запись. Приходилось объяснять «товарищам», что эту песню поют со сцены братья Турбины, Студзинский, Лариосик, что и в нашем хоре непременно находился Мышлаевский, который третью строчку пел совсем по-другому «Так за Совет Народных Комиссаров...» Хорошо, что каждый раз удавалось убедить неглупых работников, отвечавших за идеологию советского общества. Но, увы, так было: солдатскую песню выдавали за царский гимн, который исполняют только в романе «Белая гвардия» и в первой редакции одноименной пьесы.

[5] Будьте любезны, позовите к телефону господина майора фон Дуста. Да... Да... (*нем.*)

[6] Имеем честь приветствовать вашу светлость *(нем.*)

[7] Я очень рад вас видеть, господа. Прошу вас, садитесь... Я только что получил известия о тяжелом положении нашей армии (*нем.*)

[8] Мы об этом знали уже давно (*нем.*)

[9] Это неслыханно! (*нем.*)

[10] Ваше превосходительство, у нас нет времени. Мы должны... (*нем.*)

[11] Тише! (*нем.*)

[12] Родина есть родина (*нем.*)

[13] Господин доктор, будьте так любезны... (*нем.*)

[14] Готово (*нем.*)

[15] Сию минуту (*нем.*)

[16] До свидания! (*нем.*)

[17] Ты победил, Галилеянин! — Эту фразу произнес Юлиан Отступник, римский император с 361 года, тщетно боровшийся против христианства В битве с персами получил смертельную рану и, вспоминая свою борьбу за возрождение языческих культов, восклицает.

— Кончено… Ты победил, Галилеянин!

Эта фраза стала особенно популярной после выхода в свет романа Д. С. Мережковского «Смерть Богов (Юлиан Отступник)», который и по сей день производит впечатление злободневной книги. Процитирую лишь некоторые высказывания из этого романа. После смерти Юлиана, казалось бы, ничто не мешает торжеству христианства, но «мертвые хватают живых», и еще пройдет какое-то время, пока наступит торжество христианской морали… Вот влекут «смиреннейшего» сапожника в тюрьму. Вскоре мы узнаем — за что «кесарю угодно, чтобы мы разрушали галилейские церкви. Мы и разрушали. Я думал, приказано.

— Да ты кто, христианин или язычник?

— Не знаю, благодетели, сам не знаю. Сам не разберу, что я и что со мной. Покорен властям, а ведь вот никак в истинную веру попасть не могу. Все мимо. Либо рано, либо поздно…» и т. д. И тут же автор романа показывает беснующуюся толпу, торжествующую победу над Юлианом. Но и это зрелище не вызывает у автора восторга. «Анатолий, с горькой усмешкой, подымая руки к небу, воскликнул:

— Воистину. Ты победил, Галилеянин!» (См. Д. С. Мережковский. Собрание сочинений в четырех томах, Москва, издательство «Правда», 1990, т I, с 290–302)

[18] Была у нас Россия, великая держава — белогвардейская песня на мотив «Яблочка»

[19] Я гений, Игорь Северянин — первая строчка стихотворения «Эпилог», опубликованного в сборнике «Громокипящий кубок», М.,1913.

В книге воспоминаний «Уснувшие весны» Игорь Васильевич Лотарев (1887–1941), подписывавший свои стихи как Игорь Северянин, писал о первых своих шагах в литературе. В 1909 году Иван Наживин отвез Льву Толстому брошюру со стихами Игоря Северянина и прочитал их. Возмущению Льва Толстого, казалось бы, не было предела. Тут все газеты оповестили своих читателей об отзыве Льва Толстого. «После чего всероссийская пресса подняла вой и дикое улюлюканье, чем и сделала меня сразу известным на всю страну!.. С тех пор каждая моя новая брошюра тщательно комментировалась критикой на все лады. Журналы стали охотно печатать мои стихи…

В 1913 г. вышел в свет первый том моих стихов „Громокипящий кубок“, снабженный предисловием Сологуба, в московском издательстве „Гриф“, и в том же году я стал давать собственные поэзоконцерты. В том же году я совершил совместно с Сологубом и Чеботаревской (женой Ф. К. Сологуба (1863–1927). — В. П.) первое турне по России, начатое в Минске и законченное в Кутаиси». (См.: Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918–1941. Москва, «Современник», 1990, с 382–383)

[20] «Мы отдохнем, мы отдохнем!» — слова Сони из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня».

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch